

Бестселлер New York Times #1

ДЭВИД БОЛДАЧЧИ

АБСОЛЮТНАЯ
ПАМЯТЬ

В мире продано более 110 000 000 копий романов автора

Annotation

Страшный удар по голове оборвал спортивную карьеру Амоса Декера – и он же пробудил в нем уникальную способность к абсолютной памяти. Декер детально запоминает всё, что когда-либо видел и слышал. Поэтому день, когда Амос пришел работать в полицию, стал черным днем для преступников. Теперь им не скрыться от правосудия – ибо по их следу идет Человек-память...

Полицейская карьера Амоса Декера шла в гору, до тех пор пока не произошла ужасная трагедия – кто-то убил его жену и маленькую дочь...

Дэвид Болдаччи

Абсолютная память

Эта книга является вымыслом. Все характеры, события и диалоги – плод авторского воображения и не могут расцениваться как реальные. Любые совпадения с действительными событиями или личностями, живыми или умершими, абсолютно случайны.

* * *

Тому и Пэтти Макъяг.

Так держать, и хорошо вам провести время.

Вы это заслужили!

Глава 1

Амос Декер навсегда запомнил эти три смерти в парализующем оттенке синего. Свет врезался в него, вошел, будто нож из цветного стекла. И Декер так и не смог избавиться от этого света.

Слежка была долгой и, в конечном счете, непродуктивной. Ведя машину к дому, он думал, что сейчас урвет пару часов сна, а потом снова выйдет на улицы. Амос свернул на подъездную дорожку скромного двухэтажного дома с пластиковой обшивкой. Дому было уже двадцать пять лет, а выплачивать за него предстояло как минимум еще столько же. Дождь растекся по тротуару, ботинки сорок седьмого размера скользнули и только потом уцепились за асфальт. Декер тихо прикрыл дверцу машины, не сомневаясь, что в такое время все уже спят. Он устало поплелся к двери в кухню и вошел в дом.

Внутри было тихо, как и ожидалось. Но слишком тихо, и это было неправильно. Тогда он этого не почувствовал, и потом не раз задумывался почему. Одна из многих ошибок, которые он допустил той ночью. Декер задержался на кухне налить стакан воды из-под крана. Он залпом выпил воду, поставил стакан в раковину, отер подбородок и направился в соседнюю комнату.

Он поскользнулся, и на этот раз грузно рухнул на пол. Гладкий паркет елочкой, Декеру уже приходилось здесь падать. Но сейчас все будет иначе, и Амосу предстояло это узнать. Луна сияла сквозь фасадное окно, и ее света вполне хватало.

Когда Декер поднял руку, ее цвет изменился.

Красное. Кровь.

Откуда она взялась? Амос поднялся на ноги и пошел разбираться.

Источник нашелся в следующей комнате. Джонни Сакс. Его шурин. Большой крепкий парень вроде него самого, лежал ничком. Декер нагнулся к нему и встал на колени, едва не ткнувшись носом в лицо Джонни. Горло перерезано от уха до уха. Пульс можно не проверять, неоткуда ему взяться. Большая часть крови Джонни растеклась по полу.

Прямо в эту минуту Декеру следовало достать телефон и набрать 911. Он отлично знал, что положено делать. Ни в коем случае не бегать по месту преступления, поскольку именно им стал дом, в котором найден мертвый – убитый – человек. Теперь это музей; трогать что-либо категорически запрещено. Профессионализм Декера вопил об этом.

Но тут было только *одно* тело. Взгляд Амоса метнулся к лестнице, и его разум внезапно отключился, охваченный безудержной паникой – идущим изнутри чувством, что жизнь только что ограбила Декера, лишила всего, что у него было. И он побежал, шлепая ботинками по лужицам подсохшей крови, расплескивая их приливными волнами.

Он уничтожил важнейшие улики – похерил все то, что требовалось сохранить. Но сейчас ему было плевать.

Кровь Джонни вела к лестнице, и Декер взлетел по ней, перемахивая через три ступеньки за раз. Он ловил ртом воздух, сердце колотилось как бешеное; казалось, оно разбухло и готово разорвать грудь. Разум был парализован, но руки и ноги двигались, будто по собственной воле.

Декер выскочил в коридор, оттолкнулся от стены, отлетел к стене напротив. Он мчался к первой двери справа. Ему даже не пришло в голову достать пистолет, задуматься, не остался ли убийца в доме, не ждет ли он прихода Декера.

Он распахнул дверь плечом и огляделся.

Ничего.

Нет, неправда.

Он замер в дверях. Ночник на тумбочке тускло освещал голую ступню, торчащую с дальней стороны кровати.

Амос знал эту ступню. Он долгие годы держал ее, массировал, целовал при случае. Длинную, узкую, все еще лакомую; палец рядом с большим чуть длиннее, чем следует. Вены сбоку, мозоли снизу, красные ногти – всё в порядке, за одним исключением: ступня не может торчать над матрасом в такое время ночи. Это значит, что все остальное лежит на полу, и с чего бы ей там лежать, если только...

Он медленно подошел к той стороне кровати и посмотрел вниз.

Кассандра Декер, Кэсси для всех, но в первую очередь, и самое главное, для него, смотрела с пола вверх. Хотя «смотрела» – уже не о ней. Декер дернулся вперед, замер рядом с ней и медленно опустился на колени; синие джинсы устроились в кровавом пятне рядом с телом.

В пятне ее крови.

На шее раны не было. Кровь текла не оттуда. Рана была на лбу.

Одна пуля. Он знал, что не должен так делать, но поднял с пола ее голову и прижал к своей вздымающейся груди. Спала ли она? Проснулась ли? Декер думал, в последний раз баюкая в руках свою жену.

Он опустил ее на то место, где она лежала. Уставился в ее лицо, белое и безжизненное, с почерневшей дырочкой посреди лба, чтобы сохранить последнюю память о Кэсси, точку в самом-самом конце.

В конце всего.

Амос встал, не чувствуя ног, выбрался из комнаты и пошел по коридору во вторую, и последнюю, спальню на этаже.

Он не стал распахивать дверь. Спешить уже незачем. Он и так знал, что там найдет. Все, что он сможет узнать, – какой способ выбрал убийца на этот раз.

Первый – нож. Второй – пистолет.

В спальне ее не было, оставалась только смежная ванная комната.

В ванной горел яркий верхний свет. Убийца явно хотел, чтобы Декер хорошо разглядел его последнюю жертву.

Она сидела там, на унитазе. Чтобы она не упала, убийца привязал ее пояском от халата, обернутым вокруг бачка. Декер подошел к ней.

Ноги не скользили. Крови не было. На его дочери не было заметных ран. Потом он подошел ближе и увидел у нее на шее отметины, уродливые и пятнистые, будто кто-то прижигал ей кожу. Возможно, убийца использовал поясok. Или сделал это руками. Декер не знал – и не беспокоился по этому поводу. Смерть от удушения не бывает безболезненной. Она мучительная. И страшная. И пока убийца медленно выдавливал из нее жизнь, она смотрела прямо на него.

Через три дня Молли должно было исполниться десять лет. Они запланировали праздник, пригласили гостей, купили подарки, заказали торт с шоколадной начинкой. Амос взял отгул, чтобы помочь Кэсси, которая работала полный день и, к тому же, делала большую часть работ по хозяйству, поскольку его работа даже близко не походила на «с девяти до пяти». Они шутили над этим. Что он знает о настоящей жизни? Покупке продуктов? Оплате

счетов? Походах с Молли к врачу?

Как оказалось, ничего. Ни черта. Бестолочь.

Он сел на пол перед мертвой дочерью, скрестил длинные ноги, как ей нравилось – подошва упирается во внутреннюю часть бедра другой ноги. Он был гибким для такого крупного мужчины. Поза лотоса, смутно подумалось ему. Или что-то в этом роде. Декер даже не знал, почему вообще подумал об этом.

Должно быть, это шок, осознал он.

Ее глаза были широко открыты, они смотрели прямо на него, но не видели. Как и мамыны. Она больше никогда его не увидит.

Декер просто сидел там, качаясь взад-вперед, глядя на нее, но не видя, и его девочка уж точно не видит своего папу.

«Вот так. Ничего не осталось. И я сам не останусь. Я не смогу».

Он вытянул из поясной кобуры компактный девятимиллиметровый и передернул затвор, дослав патрон в ствол. Обхватил пистолет двумя руками. Хорошая штукавина. Точный, и убойная сила приличная. Амос никогда не стрелял из него в людей. Но хотел.

Он уставился на дульный срез с железной мушкой. Сколько патронов отстреляно в полицейском тире? Тысяча? Десять тысяч?.. Ну, этой ночью он не промахнется.

Он открыл рот и засунул туда ствол, наклонив пистолет так, чтобы пуля прошла через мозг и все случилось быстро. Палец лег на спусковой крючок. Декер поднял взгляд и увидел Молли. Внезапно смутившись, вытащил пистолет, приставил его к правому виску и закрыл глаза, чтобы не видеть ее. Указательный палец снова скользнул по спуску. Положить, потом медленно, равномерно давить, пока не дойдешь до рубежа, за которым нет возврата. Он ничего не почувствует. Мозг умрет прежде, чем успеет передать остальному телу, что он себя грохнул.

«Нужно просто нажать. Нажми, Амос. Тебе нечего терять, потому что ты уже потерял все. Они ушли. Они... ушли».

Он держал пистолет и думал, что скажет своей семье, когда они воссоединятся там.

«Мне жаль?»

«Простите меня?»

«Я хотел быть там, чтобы защитить вас от убийцы, кем бы он ни был? Я должен был остаться с вами и защитить?»

Он стиснул пистолет, вжимая металл в висок с такой силой, что почувствовал, как край среза режет кожу. Капля крови выступила на виске и впиталась в седеющие волосы. Декер не сомневался, что за последние несколько минут в них прибавилось седины.

Ему не требовалось собираться с духом.

Нужно только отыскать точку равновесия. Однако есть ли хоть какое-то равновесие в том, чтобы лишиться себя жизни?

По-прежнему держа пистолет у виска, он достал телефон, набрал 911, назвал свою фамилию и номер жетона, двумя короткими предложениями описал убийство трех человек. Потом уронил телефон на пол.

Внизу был Джонни.

Дальше по коридору – Кэсси.

Здесь, в туалете, была Молли.

И внезапно, без предупреждения, Декер увидел все очерченным самым жутким оттенком синего. Тела, дом, всю ночь. Пузырь синего; он был повсюду. Амос задрал голову к

потолку и выкрикивал ругательства, вкладывая в них всю ярость и боль утраты. Проклятые цвета, даже сюда они влезли. Почему он не может побыть нормальным хотя бы раз, когда ему так больно? Декер опустил голову и сидел на полу с пистолетом у виска, больше в нем не осталось ничего. Он был готов умереть, готов присоединиться к ним.

Но по какой-то причине, не известной даже ему самому, Амос Декер не нажал на спуск. Так его и нашли копы, прибывшие через четыре минуты.

Парковая скамейка выкрашена красным.

Неуютный, резкий осенний холод тянет зиму.

Амос Декер сидел на скамейке и ждал.

Перед ним пронесся воробей, едва увернулся от проезжающей машины, взмыл вверх, поймав поток воздуха, и умчался. Декер отметил марку, модель, номерной знак и описание внешности всех четырех человек в машине. Муж и жена спереди, ребенок в детском кресле – сзади. Рядом с ним сидит другой, постарше. Лет десять. На заднем бампере наклейка: «Мой ребенок на Доске почета учеников Торнкрестской школы».

«Поздравляю; ты только что сообщил всем психам, где нужно ловить твоего умничку».

Затем к ближайшей остановке подкатил автобус. Декер пробежался по нему взглядом, делая те же заметки. Четырнадцать пассажиров, большинство – хмурые и усталые, хотя сейчас только полдень. Один энергичный, ребенок. Он крутился рядом со своей измученной матерью, которая обмякла на сиденье, держа на коленях пухлую сумку. Водитель была новичком, ее лицо стягивало напряжение. Даже гидроусилитель мало помогал ее борьбе с рулем, а в поворот она вошла так медленно, словно автобус катился по инерции.

Над головой набирал высоту самолет. Он летел достаточно низко, чтобы Декер отметил: «Боинг»-737, «Юнайтед эйрлайнс», судя по законцовкам крыла – последняя модель. Вместе с числом 737 выскочил цвет – серебро. Само число 737 для разума Декера было красивой смесью. Изящное, серебристое, быстрое, как пуля. Все, что начиналось с семерки, вызывало у него такую реакцию. Он высоко ценил «Боинг» за то, что номера всех его самолетов начинались с семерки.

Мимо прошли двое молодых людей. Замечено, записано. Один старше, крупнее, альфа, второй – подпевала, чтобы было кого шпынять и посмеиваться. Следом Декер отметил четырех детей, играющих в парке через дорогу. Возраст, категория, серийный номер, ранг и иерархия – все выстроено уже к шести годам, как у стаи волков.

Сделано.

Следующий номер – женщина с собакой. Немецкая овчарка. Не старая, но с большими бедрами. Вероятно, дисплазия, часто встречается у этой породы. Занесено в каталог. Мужчина треплется по смартфону. Костюм от «Зегны», на туфлях с тонкой подошвой буква G – «Гуччи». На левой руке золотой браслет с камушками, похож на кольца Суперкубка^[1]. На правом запястье часы «Зенит» за четыре тысячи долларов. Для профессионального спортсмена низковат и плохо сложен. Для типичного наркоторговца слишком хорошо одет. Возможно, менеджер хедж-фонда, продажный адвокат или застройщик. Отложено в памяти.

На другой стороне улицы закатывают в специальный микроавтобус пожилую женщину в инвалидной коляске. Ее левая половина не работает, паралич лицевого нерва, тоже слева. Инсульт. Задokumentировано. У ее сопровождающего небольшой сколиоз с плоскостопием. Отпечатано.

Амос Декер замечал все это и многое другое, а его разум сортировал увиденное. Делал выводы, те или иные. Временами предполагал. Иногда догадывался. Все это ничего не значило – он занимался этим, чтобы занять время, пока ждет. Все равно как считать цвета. Просто чтобы занять время.

Он лишился дома – изъятие банком. Их с Кэсси зарплат едва хватало на платежи. Одна

его зарплата – полная безнадега. Амос пытался продать его, но кто же захочет жить в доме, залитом кровью?

Несколько месяцев он снимал квартиру. Потом комнату в мотеле. Затем, когда у него поменялась ситуация с работой, он переехал на диван друга. Когда друг стал менее дружелюбным, Декер перебрался в приют для бездомных. Когда финансирование приюта сдулось и тот закрылся, Декер «разменялся» на спальный мешок в парке. Потом, когда мешок изнашивался, а копы стали вытряхивать бездомных из парка, – в картонную коробку на парковке.

Амос упал на самое дно. Обрюзгший, грязный, заросший, с дикой бородой, он выглядел как человек, который живет в какой-нибудь пещере и замышляет заговор с инопланетянами. Декер и вправду был таким, пока однажды утром не проснулся на парковке «Уолмарта», глядя на логотип «Джорджия-Пасифик» внутри картонной коробки, и испытал захлестывающее душу прозрение: увидь его сейчас Кэсси и Молли, им было бы чудовищно стыдно.

И потому он почистился, поработал там и сям, занимаясь всякими странными делами, пока не сэкономил пару долларов, перебрался в комнату в «Резиденс Инн» и вывесил свою табличку частного детектива. Он брался за все дела, которые попадались; по большей части не доходы, а расходы, работа за так, но это было что-то. А ничего большего ему не требовалось.

Это было бессмысленное существование, но, по правде говоря, он и сам был бессмысленным. Борода все еще была густой, волосы – спутанными, лишний вес тоже никуда не делся, но теперь он носил довольно чистую одежду, да и душ принимал, иногда даже пару раз в неделю. И больше не жил в коробке. По его мнению, прогресс всегда следовало измерять в дюймах, особенно когда твоих успехов не хватает не только на ярды, но даже на футы.

Декер прикрыл глаза, отсекая наблюдения последних минут, хотя картинка все равно оставалась на месте, будто киноэкран изнутри век. Она всегда будет там. Ему часто хотелось забыть то, что он только что видел. Но все, попавшее ему в голову, записывалось несмываемым маркером. При нужде он мог вызвать эти воспоминания, а иногда они выскакивали сами. Первое было полезным, второе бесконечно раздражающим.

В ту ночь копы отговорили его съесть пулю из собственного пистолета. С тех пор Декер много раз задумывался о самоубийстве. Столько раз, что, еще работая в полиции, он ходил на терапию, надеясь справиться с этой маленькой проблемкой. Он даже стоял перед кругом таких же суицидников.

«Меня зовут Амос Декер. Я хочу убить себя. Точка. Рассказ окончен».

Он открыл глаза.

Пятнадцать месяцев, двадцать один день, двенадцать часов, четырнадцать минут. Из-за того, кем он был, перед мысленным взором все время тикали часы. Столько времени прошло с тех пор, как он нашел у себя дома три тела, с тех пор, как его семью стерли. А через шестьдесят секунд будет пятнадцать минут плюс год, месяцы и дни. Так оно и пойдет, все дальше и дальше.

Декер посмотрел на себя. Четыре года футбола в колледже, потом – профессионал, правда, на исключительно короткий срок; он держал себя в форме, работая копом и позже, детективом. Но после официального опознания жены, дочери и шурина Амос перестал думать об этом. Сейчас у него было фунтов пятьдесят лишнего веса, а то и больше. Гораздо

больше. Шесть футов пять дюймов, пузан с большими коленями. Мягкий живот свешивается над поясом, руки и грудь дряблые, ноги – два куска мяса. Теперь он не видел даже свои здоровенные ступни.

Волосы длинные, щедро присыпаны сединой и не слишком чисты. Казалось, такой вид отлично подходит, чтобы скрыть разум, который, ничего не забывая, умудрялся все время подводить. Борода поражала как размерами, так и беспорядочным видом – сплошь клоки, завитки, случайные пряди, будто лоза, ищущая, куда бы взобраться. Но Декер сказал себе, что это хорошо для его нынешней работы. Ему нужно охотиться на подонка, а подонки, по определению, редко модничают. Намного чаще они сторонятся моды.

Он коснулся вытертой заплатки на джинсах, потом взглянул на колени, где все еще виднелись следы крови.

Ее кровь. Кровь Кэсси. Патология – до сих пор носить эти джинсы.

«Сожги эти штаны, Амос. Любой нормальный человек именно так и сделал бы».

«Но я не нормальный. Я перестал быть нормальным с тех пор, как шагнул на то поле и получил тот удар».

Удар был единственным событием, которое Декер ни разу не смог вспомнить. Забавно, поскольку именно этот удар послужил катализатором к забыванию всего остального. Но его крутили на всех спортивных шоу того времени. А потом и национальные новости решили задокументировать для своей аудитории эту «жесть». Кто-то сказал Декеру, что запись пару лет назад загрузили на «Ю-тьюб», и она собрала восемь миллионов просмотров. Однако он все равно ее не видел. Ему это не требовалось. Он был там. Он это *прочувствовал*. Больше ничего не нужно.

И заслужил он такую шумиху, всего лишь умерев на футбольном поле, и не один раз, а дважды.

Амос украдкой, почти смущенно взглянул на свои джинсы. Живот нависал над ремнем, раньше Декер был намного худее. Он стирал джинсы, но кровавые пятна все равно остались. И с чего бы им отличаться от его мозгов? Штаны могут быть, должны быть доказательством. Пусть бы их забрали копы, но они не стали, а Декер не предлагал. Он сохранил джинсы и с тех пор носил их. Идиотский способ помнить. Ослиное упрямство. Жуткий способ удержать Кэсси рядом. Все равно что таскать ее пепел в коробке от завтрака «Скуби-Ду». Но еще раз: Декер вовсе не был нормальным. Несмотря на то, что он имел место для жилья, работу и справлялся с прочей рутинной... ну, по большей части. Он действительно не был нормальным. И в любом случае никогда не будет.

Технически он побывал по этому делу подозреваемым, как и все мужья в таких случаях. Но не долго. Его очистило время смертей. У Декера имелось алиби. Ему было плевать на все алиби. Он знал, что никогда бы не тронул их и пальцем, и без разницы, верит ли в это хотя бы еще один человек.

Реальной проблемой было то, что в связи с этими убийствами никого не арестовали. Не было даже ни единого подозреваемого, ни одного следа. Ничего.

Вокруг жили простые люди, рабочий класс, жили тихо и дружелюбно, всегда протягивая другим руку помощи, потому что никто здесь не нажил состояния, а какая-то помощь время от времени требовалась каждому. Починить машину или топку, забить гвоздь, приготовить еды, потому что мама заболела, или пасти детей в общественной транспортной системе, основанной на доверии и необходимости.

Жили там и несколько упертых, само собой, но Декер не засек среди них ни одного

опасного. В основном байкеры и любители плана. Амос проверил. Он не занимался ничем другим, кроме расследования, хотя официально ему сказали держаться от всего этого подальше. Но, несмотря на одержимость, с которой он перерывал все подряд, не всплыла ни одна улика.

Для такого преступления были и возможности, и препятствия. Двери оставались незапертыми; люди ходили туда-сюда. Так что с возможностью все ясно. Но дома здесь стояли рядом, и кто-нибудь должен был что-то услышать. Однако в ту ночь никто не услышал ни единого звука из дома 4305 по Бостон-авеню. Как три человека могли умереть в полной тишине? Разве убийства не связаны с насилием? Криками? Борьбой? Хоть с чем-нибудь? Видимо, нет. Выстрел? Как призрачный шепот. Или же все соседи в ту ночь разом оглохли.

И ослепли. И онемели.

Несколько месяцев спустя все было по-прежнему глухо, хотя след к тому времени уже давно остыл, а шансы раскрыть дело и поймать убийцу упали практически до нуля. Декер ушел из полиции, поскольку больше не мог писать бумаги, расследовать другие дела и возиться с местными драмами. Начальство сказал, мол, им очень жаль, что он уходит, но никто не попросил его остаться. По правде говоря, Декер становился агрессивным, неуправляемым. И он сам с этим не спорил. Потому что больше ни о чем не заботился.

Ну, кроме, пожалуй что, одного.

Он все время навещал их могилы. Их похоронили на участках, которые Декер спешно купил, поскольку никто не станет задумываться об участках на кладбище для мужчины и женщины чуть за сорок или о могиле для десятилетней девочки. Но потом он перестал приходить. Он больше не мог встречаться с ними, лежащими в земле. Он не отомстил за них. Он вообще ничего не сделал, только опознал их тела. Жалкая епитимья за смерть семьи. Вряд ли она произведет впечатление на Бога.

Их смерть должна быть как-то связана с его работой. За эти годы Декер отправил за решетку немало людей. Кое-кто уже вышел. У других были друзья. Незадолго до убийств в 4305 по Бостон-авеню Амос помог вскрыть местную сеть торговцев метом^[2], которые изо всех сил старались подсадить всю округу на наркоту и тем самым получить хорошую постоянную клиентуру, молодую, старую и все в промежутке. Эти чуваки были плохими, злыми, им убить – что раз глянуть. Они вполне могли выяснить, где он живет. Без особого труда. Декер не был засекречен. И они вполне могли отомстить, убив его жену и дочь, а заодно и шурина, который выбрал неудачное время, чтобы выбраться в город. Но против этих людей не нашлось и клочка улики. А без этого – никаких арестов. Никакого разбирательства. Суда. Приговора.

Его ошибка. Его вина. Возможно, он сам привел их к своей семье, и теперь у него нет семьи.

Община собрала для него деньги. Пару тысяч долларов. Они до сих пор остались нетронутыми на банковском счете. Взять эти деньги, казалось Декеру, – значит, предать тех, кого он потерял, и потому деньги лежали, хотя они, разумеется, емугодились бы. Амос сводил концы с концами, едва. Но этого «едва» ему было достаточно. Потому что он сам был сейчас этим «едва».

Декер откинулся на спинку скамейки и плотнее закутался в пальто. Он сидел здесь не просто так.

Он был на работе.

И посмотрев налево, он увидел, что пора приниматься за работу.

Декер встал и пошел за двумя людьми, которых ждал.

Этот бар походил на все прочие, в которых доводилось бывать Декеру.

Темный, прохладный, затхлый, прокуренный, с забавным освещением, где все выглядят как люди, которых ты знаешь или хочешь узнать. Или, что более вероятно, хочешь забыть. Где каждый был твоим другом, пока не стал врагом и не сломал кий о твой череп. Где все тихомирно, пока не закончился мир. Где ты можешь запить все, что швыряет в тебя жизнь. Где тысячи косящих под Билли Джоэла^[3] будут петь тебе серенады перед рассветом.

«Вот только я мог выпить тысячу раз и не забыть ни одной проклятой стопки. Я бы запомнил все детали каждой из них, вплоть до формы кубиков льда».

Декер уселся перед барной стойкой и своим отражением в большом зеркале за выстроенными рядами «Джим Бима», «Бифа», «Глена» и «Сапфира». Он заказал дешевое пиво, зажал кружку в мясистых ладонях и принялся разглядывать зеркало. Нижний угол справа. Они сели там, пара, за которой он пришел сюда.

Кавалер под пятьдесят, девушке вполтину меньше. Мужчина разоделся, как мог. Шерстяная тройка в тонкую полоску, желтый галстук, усеянный синими крапинками в форме чего-то вроде сперматозоидов на пути к яйцеклетке, и щегольской платочек в тон. Зачесанные назад волосы открывают морщинистый, зрелый лоб – привлекательный у мужчин, но не у женщин; впрочем, жизнь в этом плане вообще несправедлива. На ухоженных пальцах впечатляющие кольца с бриллиантами. Возможно, краденые. Или подделка. Как и сам мужчина. Наверное, и педикюр у него сделан. Туфли отполированы, но вот задники он упустил. Они были ободранными, что намного лучше подходило истинной природе этого мужчины. Он тоже был ободранным. И ему нужно было произвести впечатление только на входе, не на выходе. Выйдя за порог, этот мутила больше никогда не попадался тебе на глаза.

У девицы были большие глаза и тесто вместо мозгов. Миленькая в такой пустой, «уже тысячу раз это видели», манере. Как смотреть 3D-фильм без очков; что-то просто отсутствует. Дамочка настолько слепо верящая и рассеянная, что в глубине души хочется просто уйти и оставить ее на произвол судьбы.

Но Декеру платили не за это. На самом деле ему заплатили строго за обратное.

На ней была юбка, жакет и блузка, которые стоили больше машины Декера. Ну, или той машины, которая у него когда-то была. Банк забрал и ее, как это часто бывает.

Девушка вышла из «старых денег». Она так привыкла к привилегированной жизни, идущей в комплекте с этим статусом, что была просто не в состоянии понять, с чего бы кому-то так стараться оттяпать у нее вещи, которые она принимала как само собой разумеющееся. И это делало ее потенциальной жертвой каждую минуту каждого дня ее жизни.

Так было и сейчас: акула и кукла. Декер видел этого парня шестеркой, отвратное число для его разума. Девушка была четверкой, безобидной и неинтересной.

Сначала встретились их руки, потом – губы. Затем они поделились друг с другом напитками: он пил виски-сауэр, она – розовый martini.

Обозначено.

Декер баюкал пиво и выжидал. И украдкой, незаметно посматривал на пару. Вдобавок к бирке с числом, девушка была очерчена оранжевым, мужчина – фиолетовым, тем же цветом, который ассоциировался у Декера с нулем, нежеланной цифрой. И потому кавалер

представлял для него два числа – шесть и ноль. Кажется сложным, понятное дело, но Амос справлялся без труда, поскольку в его голове все это было четким, как отражение в зеркале.

Не то чтобы он действительно видел их в этих цветах. Речь шла об *осознании* цвета. Лучший и единственный способ, которым он мог объяснить свое ощущение. Не похоже на то, как учили на занятиях. Да и пришел он к этому довольно поздно. Просто старался, как мог. В конце концов, он считал, что оставил мир цветных фломастеров в детском саду.

Пара продолжала миловаться, держаться за руки, тереться ногами, тискаться и все прочее. Она явно хотела большего. Он не собирался потакать этим желанием, поскольку хотел распалить объект. Спешка подразумевает дурные намерения. А этот парень был хорош. Не лучший из тех, кого доводилось видеть Декеру, но годный. Возможно, он обеспечивал себе пристойную жизнь.

Для фиолетового нуля.

Амос знал, что парень выжидает момента для просьбы. Заем для бизнес-проекта, который нельзя упустить. Какая-то трагедия в обширной семье, требующая финансовой поддержки. Он вовсе не хочет просить. Ненавидит себя за это. Но это его последняя надежда. Она – его последний шанс. И он вовсе не ожидает, что она поймет. Или скажет «да». Если так обставить разговор, как еще она сможет ответить? Только: «Да, дорогой. Возьми в два раза больше. Может, в три? Папочка их даже не заметит. В конце концов, это всего лишь деньги. Его деньги».

Через час и еще два розовых мартини она его оставила. Ее прощальный поцелуй был нежным и трогательным, мужчина отозвался на него должным образом, но когда она отвернулась, выражение его лица изменилось. От такой же нежности и любви – к триумфу и даже, можно сказать, жестокости. По крайней мере, так его описал бы сам Декер.

Амос не любил общаться с людьми. Он предпочитал собственное общество. Он ненавидел пустые разговоры, поскольку больше не понимал их смысл. Но это была часть того, чем он занимался. Чем он оплачивал счета. И потому Декер сказал себе, что с этим нужно смириться. По крайней мере, сейчас. Пора отрабатывать.

Он принес пиво к столику как раз вовремя, чтобы положить свою тяжелую руку мужчине на плечо и толкнуть его обратно на стул, с которого тот уже вставал.

Декер уселся напротив, посмотрел на нетронутый виски-сауэр – хищники не пьют на работе, – а потом одобрительно поднял кружку.

– Отлично сделано. Люблю смотреть, как работает настоящий профи.

Мужчина не ответил. Он осматривал Декера, оценивая его неопрятную внешность, и выглядел не слишком впечатленным.

– Я вас знаю? – наконец спросил он язвительным тоном. – Хотя не представляю, как такое возможно.

Декер вздохнул. Он ждал чего-нибудь поинтересней. Но, похоже, тут ловить нечего.

– Нет, и незачем тебе меня знать. Тебе нужно только заглянуть сюда.

Он вытащил из кармана пиджака конверт и бросил на стол.

Мужчина помешкал, но взял его.

Декер глотнул пива и сказал:

– Открой.

– С чего бы мне его открывать?

– Ладно, тогда не открывай. Не перетруждайся.

Декер протянул руку, но мужчина дернул конверт к себе. Затем открыл клапан и

вытащил штук пять фотографий.

– Первое правило подонка, Ловкач, – сказал Декер. – Не развлекайся на стороне, когда работаешь. Когда я назвал тебя профи, я был великодушен.

Он постучал пальцем по верхней фотографии.

– Не слишком-то много на ней одежды, да и на тебе тоже. И, так уж случилось, именно этот акт считается незаконным почти во всех штатах к югу от линии Мейсона – Диксона^[4].

Взгляд мужчины, оторвавшегося от фотографий, был настороженным.

– Откуда ты это взял?

Декер был вновь разочарован вопросом.

– Так что теперь все сводится к договоренности. Я уполномочен предложить тебе пятьдесят тысяч долларов. Взамен ты подписываешь вот это и находишь себе кого-нибудь другого. В другом штате.

Мужчина улыбнулся, отодвинул фотографии и заметил:

– Если вы думали, что от этого у меня будут неприятности, почему вы просто не показали ей фотографии? Зачем приходить сюда и предлагать мне деньги?

Декер снова вздохнул – он был разочарован уже в третий раз. Этот парень оказался совсем скучным. Амос собрал фотографии и аккуратно сложил их в конверт.

– Ловкач, ты читаешь мои мысли. Именно так я и сказал старику. Спасибо, что подтвердил мое мнение. Так уж случилось, что девица очень религиозная. То, чем ты занимаешься с дамочкой на третьей картинке, само по себе убойно, – так вдобавок она еще и твоя жена. Всего хорошего.

Он встал, но мужчина схватил его за руку.

– Я могу доставить тебе неприятности.

Декер поймал его пальцы и принялся отгибать назад, пока мужчина не охнул. Только после этого пальцы оказались на свободе.

– Я толстый, – заметил Амос, – но я в два раза больше тебя и намного жестче. И для моей работы не требуется красивая морда. А для твоей – требуется. Так что если я выведу тебя отсюда и начищу ее, твой будущий приток наличности здорово обмельчает. Улавливаешь мысль?

Мужчина схватился за поврежденную руку и побледнел:

– Я возьму деньги.

– Отлично. У меня с собой чек на двадцать пять штук.

– Ты же сказал, пятьдесят!

– Только если б ты согласился сразу. Ты не согласился. Последствия – твоя прибыль уменьшилась вдвое.

– Сукин ты сын!

Декер уселся обратно и вытащил из кармана листок бумаги.

– Авиабилет. В одну сторону. Так далеко отсюда, как только можно, не покидая континента. Вылет через три часа. Чек будет оплачен, если ты окажешься на рейсе. Там есть люди, которые проверят, так что не делай глупостей.

– Где чек? – спросил мужчина.

Декер достал еще один лист бумаги:

– Сначала тебе нужно подписать это.

Он протянул бумагу. Мужчина быстро пробежал ее глазами:

– Но это же...

– Это гарантия, что дама больше никогда о тебе не вспомнит, разве что плохими словами. А это значит, что даже если ты попытаешься словчить и вернуться, ничего хорошего не выйдет.

Мужчина быстро сообразил, что происходит, что все это значит на самом деле.

– Так ты шантажируешь меня фотографиями и фактом моего брака, чтобы вынудить подписать эту бумажку? А если я не подпишу, ты покажешь ей картинку, скажешь, что я женат... Думаешь, этого будет довольно, чтобы она от меня отлипла?

– Да ты просто гений.

Мужчина насмешливо улыбнулся:

– У меня еще с десятков таких, как она. И намного симпатичней. Она хотела, чтобы я спал с ней. А я откладывал это дело. Ты видел фото. У меня дома есть филе-миньон, так зачем мне соглашаться на гамбургер, даже если к нему прилагается трастовый фонд? Она – тупое дерьмо. И при всех папочкиных деньгах выглядит прилично разве что в удачный день.

– Мистер Маркс раскусил тебя за милю, хоть его малышка и втюрилась по уши. Но, опять же, Дженни уже сталкивалась с подонками вроде тебя. Она заслуживает лучшего.

Декер не был знаком с Дженни Маркс и мало беспокоился о ее романтических увлечениях. Все эти замечания требовались, чтобы Ловкач не умолк. Чтобы он говорил. Выговорился по-полной.

– Она заслуживает лучшего? Блин, я вообще не знаю, зачем с ней связался. Я мог бы без малейшего труда найти задницу намного лучше, чем у Дженни Маркс. И не нужно было бы выслушивать ее детский лепет.

– Тупое дерьмо? Детский лепет? Правда? У барышни высшее образование.

Декер уже получил все, что требовалось, но сейчас разговор начинал ему нравиться.

– Ладно, она не тупое дерьмо. Она долбаная идиотка.

«Ладно, веселье закончилось».

Декер взял неподписанный документ и положил его в конверт с фотографиями. Потом засунул конверт в карман.

– Какого хрена ты делаешь? – недоверчиво спросил мужчина.

В ответ Декер достал миниатюрный цифровой диктофон и нажал на кнопку.

– Уверен, ее порадует твое описание, – сказал он. – Кстати, какой гамбургер? С говядиной? Органический? Или просто долбанно идиотский?

Мужчина ошеломленно застыл.

Декер забрал диктофон и толкнул к парню билет.

– Это можешь оставить себе. И позаботься засунуть свою задницу в самолет. Следующий парень, которого они пошлют, будет покрупнее меня, и сломает не палец. Он сломает тебя.

– Хочешь сказать, что я вообще не получу денег? – жалобно протянул мужчина.

Декер встал:

– Я же говорил, ты просто гений.

Амос сидел на кровати в своей комнате размером с тюремную камеру. Для переговоров с клиентами он пользовался столом в столовой «Резиденс Инн»: в ежемесячную плату входил завтрак-буфет. Этот пункт договора однозначно обходился «Резиденс Инн» в приличные деньги. Декер просто забирал из буфета тарелки с едой и уносил их на свой стол. Вместо вилки ему вполне подошел бы экскаватор.

Он уже получил свой чек от посланца мистера Маркса. Приятель из полиции порекомендовал Декера этому богатому старикану в качестве человека, способного справиться с деликатной проблемой относительно его скучной дочери, вечно влюблявшейся в неподходящих людей. Декер никогда не встречался со стариком, только с его представителями. Это было нормально; вряд ли Маркс хочет, чтобы Декер испачкал его красивую мебель. Они встретились за завтраком. Пришли два молодых придурка в тысячедолларовых костюмах, которые отказались даже кофе попробовать. Наверное, их больше интересовал двойной эспрессо, который выплевывали сверкающие маленькие машины под управлением баристы. По лицам этих парней было видно, что они прекрасно знают, насколько хороши они сами и насколько плох Декер. К этой встрече он натянул свою лучшую рубашку – вторую из двух имеющихся.

Папаша Маркс уполномочил потратить до ста штук, чтобы избавиться от альбатроса, схватившего за шею его маленькую девочку. Примерившись к жулику, Декер сообщил представителям, что сможет решить вопрос намного дешевле. Так он и сделал. Фактически, ценой стоимости авиабилета. За гроши. Папаша Варбакс^[5] мог бы выдать ему премию, хотя бы процент от сэкономленной шестизначной суммы. Но он твердо держался подписанного соглашения, и Декер получил только унылую почасовую ставку. Да, процент не помешал бы. Видимо, вот так богачи и остаются богатыми. Но оно все равно того стоило – увидеть обжуженного жулика. Кроме того, Декер подозревал, что через пару месяцев Дженни Маркс окажется в той же лодке, и его снова вызовут. Может, ему следует предложить Папаше Варбаксу долгосрочное соглашение?

Амос вышел из комнаты и направился через фойе в столовую. В такую рань там еще не было никого, кроме восьмидесятилетней Джун, которая наслаждалась своими золотыми годами, наваливая в тарелку гору жирной жареной картошки.

Декер загрузил тарелку и уселся за свой обычный столик. Первая вилка была уже на полпути к рту, когда он увидел ее.

Ей исполнилось сорок два, его ровесница. Но она выглядела старше. Ее работа делает такое с людьми. И он не избежал того же. Декер опустил взгляд, отложил вилку и посолил все содержимое тарелки, включая блинчики, четыре раза. Он надеялся, что мужчина его размеров может съежиться, исчезнуть за стеной белков и углеводов.

– Привет, Амос.

«Мда, похоже, не вышло».

Декер набрал полную вилку застывших яиц, хлопьев, бекона, жареной картошки и кетчупа, и засунул все это в рот. Он жевал с открытым ртом, надеясь, что это зрелище подвигнет ее выполнить разворот на сто восемьдесят и вернуться туда, откуда она заявила.

Не вышло.

Она присела напротив. Стол был маленьким, она – тоже. А вот Декер был здоровенным.

Он занимал большую часть стола, просто сидя за ним.

Амос засунул в рот новую порцию еды и причмокнул. Он не поднимал взгляда. Какой в этом смысл? Она не может сказать ничего такого, что он захотел бы услышать.

– Если ты решил развлечься таким образом, – сказала она, – я пережду. У меня есть все время мира.

Он наконец посмотрел на нее. Она была тощей как палка: сигареты и жвачка, которые всегда заменяли ей еду и питье. Возможно, он за один раз съедал больше, чем она – за месяц.

У нее были белесые волосы, на морщинистой коже – пятна. Нос кривой; говорили, это после встречи с одним пьянчугой, когда она еще была патрульной. Маленький заостренный подбородок был задавлен непропорционально большим ртом, в котором скрывались, будто висящие в пещере летучие мыши, кривые и желтоватые от никотина зубы.

Она не была симпатичной. Не внешность делала ее запоминающейся. Примечательным делало ее совсем другое – она была первой женщиной-детективом в полиции Берлингтона. И, насколько знал Декер, все еще единственной. И она была его напарником. Они вдвоем произвели больше арестов, приведших к осуждению, чем кто-либо за всю историю полиции города. Некоторые считали, что это просто здорово. Другие полагали, что пара слишком возомнила о себе. Старски и Хатч^[6], так прозвал их один соперник. Декер, правда, так и не понял, кем он должен считать себя, блондином или брюнетом.

– Привет, Мэри Сьюзан Ланкастер, – произнес он, потому что не мог этого не сказать.

Она улыбнулась, протянула руку и легонько ткнула ему в плечо. Амос чуть заметно поморщился и немного отодвинулся, но она, похоже, не заметила.

– Даже не думала, что ты знаешь мое второе имя.

Он вновь опустил взгляд на еду, исчерпав свою квоту на болтовню.

Мэри оглядела его, и, когда осмотр был закончен, похоже, молча признала: все сообщения о том, что Декер скатился на самое дно, верны.

– Я не стану спрашивать, Амос, как твои дела. Я и так вижу, что не очень.

– Я живу здесь, а не в коробке, – резко ответил он.

– Прости, – торопливо извинилась она. – Ну, я пришла поговорить с тобой.

– С кем ты разговаривала?

– В смысле, откуда я узнала, что ты здесь?

По его взгляду было ясно, что именно об этом он и спрашивает.

– От друга друга.

– Не думал, что у тебя столько друзей, – произнес Декер.

Ничего смешного тут не было, само собой, и он, конечно, не улыбнулся. Но Мэри выдавила смешок – попытка сломать лед – и тут же спохватилась, сообразив, что сделала глупость.

– Ну, я вроде как детектив. Нахожу всякие вещи. А Берлингтон не слишком велик. Это не Нью-Йорк. И не Эл-Эй.

Декер причмокнул, загрузил в себя новую порцию еды, и его разум вновь побрел к цветным числам и вещам, занимающим его голову.

Похоже, она почувствовала его уход в себя.

– Амос, мне очень жаль. Ты многое потерял. Ты этого не заслужил, такого никто не заслуживает.

Декер равнодушно взглянул на нее. Сострадание не привлекало его внимания. Он никогда не искал сочувствия, в основном потому, что его разум не воспринимал это

конкретное чувство. По крайней мере, теперь. Он мог быть заботливым. Он был заботливым и любящим со своей семьей. Но состраданию и его еще более неприятному родственнику, сопереживанию, больше не было места в его рубке.

Возможно, заметив, что она вновь теряет его, женщина торопливо сказала:

– Я пришла, чтобы кое-что тебе рассказать.

Декер смерил ее взглядом. Он ничего не мог с собой поделать и потому сказал:

– Ты потеряла вес. Примерно на пять фунтов меньше, чем стоит. И возможно, у тебя дефицит витамина Д.

– Как ты это понял?

– Когда ты вошла, ты двигалась скованно. Ломота в костях, классический симптом. – Он указал на ее лоб. – Снаружи холодно, но у тебя голова вспотела. Тоже классика. И ты просидела здесь недолго, но уже пять раз скрещивала ноги, а потом расставляла их. Проблемы с мочевым пузырем. Еще один симптом.

Услышав такую интимную оценку, Мэри нахмурилась.

– Что, ты начал ходить в медицинскую школу? – недовольно спросила она.

– Я прочел статью четыре года назад, когда сидел в приемной у дантиста.

Она коснулась пальцем лба:

– Думаю, я не часто бываю на солнце.

– И ты куришь, как паровоз, что тоже не способствует. Попробуй витаминные добавки. Дефицит витамина Д приводит к плохим штукам. И бросай курить сигареты. Попробуй пластырь.

Декер опустил взгляд и вновь увидел то, что заметил, когда она села за стол.

– А еще у тебя тремор левой руки.

Мэри держала левую руку правой, неосознанно потирая одну точку.

– Я думаю, это просто нервы.

– Но стреляешь ты с левой. Думаю, тебе стоит сходить провериться.

Она взглянула на небольшую выпуклость с правой стороны своего жакета, которая выдавала пистолет в поясной кобуре, и улыбнулась:

– Решил поиграть в Шерлока Холмса? Хочешь проверить мои колени? Посмотреть кончики пальцев? Рассказать, что я ела на завтрак?

Он сделал хороший глоток кофе.

– Просто проверься. Там может быть что-то еще. Кроме тремора. Серьезные проблемы начинаются с рук и глаз. Это раннее предупреждение, вроде канарейки в шахте. В следующем месяце у вас будет переаттестация по огнестрелу. Вряд ли ты ее пройдешь, если рука подведет.

Ее улыбка поблекла.

– Об этом я не подумала. Спасибо, Амос, я схожу.

Декер посмотрел на еду и сделал глубокий вдох. Он исчерпался и теперь просто ждал, пока она уйдет. Он закрыл глаза. Он может уснуть прямо здесь.

Ланкастер крутила пуговицу жакета, поглядывая на Декера. Готовилась к тому, ради чего на самом деле пришла. Готовясь сказать.

– Амос, мы произвели арест. По твоему делу.

Амос Декер открыл глаза. И уже не закрывал их.

Декер положил обе руки на стол.

Ланкастер следила, как его руки сжимаются в кулаки, а большие пальцы потирают указательные с такой силой, что оставляют вмятинки.

– Как его зовут? – спросил Декер, глядя на кучу омлета в тарелке.

– Себастьян Леопольд. Необычное имя. Но так он сказал.

Декер вновь прикрыл глаза и включил то, что любил называть своим ЦВМ, цифровым видеоманитофоном. Один из плюсов быть тем, кто он есть.

Кадры мелькали перед внутренним взором с такой скоростью, что их было трудно различить, но Декер видел все. Он дошел до конца этого мысленного упражнения без единой зацепки.

Амос открыл глаза и покачал головой:

– Никогда о нем не слышал. А ты?

– Тоже нет. Но еще раз, так он нам назвался. Возможно, это не настоящее имя.

– Документов не было?

– Нет. Пустые карманы. Я думаю, он бездомный.

– Отправила отпечатки?

– Сейчас проверяют. Пока ничего.

– Как ты на него вышла?

– Это было проще всего. Он пришел в участок сегодня в два часа ночи и сдался. Самое легкое задержание на моей памяти. Я приехала сюда сразу после его допроса.

Декер резко взглянул на нее:

– Прошло почти шестнадцать месяцев, и тут парень сам приходит и признается в тройном убийстве?

– Знаю. Такое определенно случается не каждый день.

– Мотив?

Ей явно стало неуютно.

– Амос, я просто из вежливости ввожу тебя в курс дела. Полицейское расследование продолжается. Ты знаешь правила.

Декер наклонился вперед, заняв собой почти весь стол. Ровным голосом, будто смотрел на нее через их некогда сдвинутые вместе столы в полицейском участке, он повторил:

– Мотив?

Мэри вздохнула, вытащила из кармана пачку жевательной резинки и засунула одну в рот. Нижняя челюсть трижды дернулась, потом женщина произнесла:

– Леопольд сказал, ты плохо о нем отозвался. Здорово достал его.

– Где и когда?

– В «Севен-илевен»^[7]. Примерно за месяц до... ну, до того, что он сделал. Похоже, он затаил обиду. Между нами, мне кажется, что у него не все дома.

– В каком «Севен-илевен»?

– Что?

– В каком «Севен-илевен»?

– Ээ... думаю, в ближайшем к твоему дому.

– То есть на углу Десалль и Четырнадцатой?

– Он сказал, что проследил за тобой до дома. Так он узнал, где ты живешь.

– Так он бездомный, но с машиной? Я ни разу в жизни не ходил пешком в тот «Северилевен».

– Он бездомный *сейчас*. Я не знаю, кем он был тогда. Амос, он просто пришел и сдался. Мы еще многого не знаем.

– Фото.

Декер не спрашивал. Если человека арестовали, его сфотографировали и сняли отпечатки пальцев.

Ланкастер достала телефон и показала ему. На маленьком экране было видно мужское лицо, загорелое и чумазое. Волосы нестриженные, борода клочьями. И потому Леопольд выглядел похожим на Декера.

Амос прикрыл глаза и вновь запустил свой ЦВМ, но с тем же результатом – ни одного попадания.

– Я никогда его не видел.

– Ну, может, сейчас он выглядит по-другому...

Декер покачал головой.

– Сколько ему лет?

– Сложно сказать, а сам он не говорит. Возможно, сорок с небольшим. Возможно.

– Насколько крупный?

– Шесть футов и сто семьдесят фунтов^[8].

– Поджарый или обрюзгший?

– Поджарый. Довольно жилистый, насколько я видела.

– Мой шурин был ростом с меня, строитель, и мог выжать от груди грузовик. Как Леопольд справился с ним?

– Амос, это часть расследования. Я не могу рассказывать.

Декер молча смотрел ей прямо в глаза.

Мэри вздохнула, яростно прожевала резинку и произнесла:

– Он сказал нам, что твой шурин был пьян и сидел за кухонным столом. Он ничего не услышал. Леопольд сказал, на самом деле он думал, это ты. По крайней мере, со спины.

«Он думал, что убивает меня, когда перерезал глотку моему шурину?».

– Я совершенно не похож на шурина.

– Сзади, Амос. И я говорю тебе, этот Леопольд с полным приветом. У него лифт из подвала не выезжает.

Декер закрыл глаза.

«И потом этот псих со сломанным лифтом в мозгах поднялся наверх, застрелил мою жену и задушил дочь?»

Он открыл глаза, когда Ланкастер поднялась со стула.

– У меня есть еще вопросы.

– Ну, у меня нет больше ответов. Я могу потерять значок уже за то, что пришла сюда и рассказала тебе все. Амос, ты и сам это знаешь.

Он тоже встал, возвышаясь над ней, человек-гора, маленькие дети могли бы в ужасе разбежаться от одного только его... присутствия.

– Мне нужно увидеть этого парня.

– Невозможно, – уже отступая, ответила Ланкастер, и тут заметила выпуклость у него на поясе. – Ты носишь оружие? – недоверчиво спросила она.

Он не опустил взгляда.

– Я вернул свое оружие, когда ушел из полиции.

– Я спрашивала не об этом. Кто угодно может купить пистолет. Еще раз. Ты носишь оружие?

– Если и так, закон этого не запрещает.

– Открытое ношение, – поправила она. – Но закон запрещает скрытое ношение, если только ты не сотрудник полиции.

– Оно не скрытое. Ты же его видишь, верно? Оттуда, где ты стоишь?

– Амос, это совсем другое, и ты это знаешь.

Он протянул руки, сдвинув запястья вместе:

– Тогда надень наручники. Забери меня и засунь в ту же камеру, куда вы посадили Себастьяна Леопольда. Можешь забрать мой пистолет – он мне не понадобится.

Ланкастер отступила еще на шаг.

– Только не надо давить. Дай нам сделать свою работу. У нас есть этот парень. Пусть все будет честно и справедливо. Это дело на смертный приговор. У него все шансы получить иголку.

– Ага, лет через десять, возможно. А на эти десять лет он получит дом с кроватью и тремя квадратными футами. А если он псих и его адвокат сможет подсунуть правильные бумаги, он отправится жить в симпатичную уютную психушку и будет читать там книжки, складывать пазлы, ходить на консультации и получать бесплатные лекарства, чтобы у него ничего не болело. Неплохо, с его-то нынешнего места. Я бы и сам согласился на такое.

– Амос, он признался в трех убийствах.

– Дай мне повидаться с ним.

Ланкастер уже торопливо шла прочь, наверное, к припаркованной машине. На полпути она обернулась и рявкнула:

– Кстати, всегда пожалуйста, придурок!

Декер смотрел ей вслед, пока женщина не вышла из фойе. Потом уселся обратно за свой столик. Он называл этот стол своим, потому что каждому нужно какое-то место, которое можно так назвать. И этим местом для него был столик в столовой.

Когда Амос проснулся нынче утром, у него в жизни была только одна цель – дотянуть до следующего утра.

Но теперь все изменилось.

Декер вернулся в свою комнату и достал телефон. Ему не нравилось платить за телефон, у которого есть доступ к Интернету, но это все равно что получить по дешевке огромную библиотеку и целую армию научных сотрудников. Амос проверил новостные ленты. Полиция, должно быть, заблокировала сведения об аресте Леопольда, поскольку в новостях было пусто. Когда Декер ввел поиск по фамилии, он получил несколько совпадений, но это явно были другие люди, просто однофамильцы.

Этот парень пришел и признался в трех убийствах. Даже если станет ходатайствовать о невменяемости, он проведет всю жизнь в запертом помещении. Настоящий ли он? Действительно ли сделал это? Полицейские должны разобраться довольно легко. Декер знал, что полиция утаивает от публики многие детали преступлений. Они будут допрашивать Леопольда, если таково его настоящее имя, и быстро определяют, действительно ли он убийца или по какой-то причине врет.

И если он тот самый, то что делать Декеру? Попытаться вмешаться в систему уголовного правосудия и убить его? А потом самому отправиться за решетку? Но если он лжет... ну, тогда тоже открываются некоторые возможности.

Прямо сейчас он не может ничего сделать. По крайней мере, ничего конструктивного. Леопольду предъявят формальное обвинение или отпустят, в зависимости от результатов допроса. Если его оставят взаперти, будет судебное разбирательство. А может, и нет, если парень признает себя виновным, что делали большинство обвиняемых, потому что они были бедны и не имели денег на хорошего адвоката, или были виновны, или оба вместе. Богатые парни всегда сражались, особенно если в уравнение включался тюремный срок. Им было что терять.

Но обвинение может и не предложить такую возможность. Они могут решить воспользоваться этим лохом ради своей профессиональной выгоды. И если так, Декер будет в зале суда. Каждый день. Каждую минуту. Он хотел видеть этого парня. Прочувствовать его. Оценить.

Декер улегся на кровать. Со стороны казалось, что он спит, но Амос был далек от сна. Он вспоминал. Размышлял о том, кем он был. И о том, кто он сейчас. Он часто думал об этом, даже против своего желания. Иногда, чаще всего, это решение принимал не он. Решение принимал его мозг, который, как ни смешно, кажется, имел собственный разум.

* * *

Я – Амос Декер. Мне сорок два года, и я выгляжу на десять лет старше (в хороший день, которых у меня не было уже четыреста семьдесят девять дней), а чувствую себя старше на сотню лет. Я привык быть копом, потом – детективом, но я больше не имею оплачиваемой работы в этой области. У меня гипертимезия, а это означает, что я никогда ничего не забываю. Я говорю не о всяких методиках запоминания, которым можно обучиться для улучшения памяти, вроде уловок с ассоциациями, позволяющими запомнить порядок карт в колоде. Нет, просто у меня мозг с турбонаддувом, в котором как-то включилось то, чем мы никогда не пользуемся. В мире мало гипер-Т, как я сам это называю.

Но я официально один из них.

И похоже, мои проводящие пути органов чувств тоже перепутались, так что я считаю в цветах и вижу время картинками в голове. По правде говоря, цвета вторгаются в мои мысли в самые неожиданные моменты. Нас называют синестетиками. И вот я считаю в цвете, «вижу» время и – иногда – ассоциирую цвет с человеком или предметом.

Многие люди с синестезией страдают аутизмом или синдромом Аспергера. Не я. Но теперь я не люблю, когда меня трогают. И больше не понимаю шуток. Хотя, возможно, это потому, что я вряд ли буду когда-нибудь еще смеяться.

Когда-то я был нормальным, настолько, насколько это возможно для человека.

Но теперь это не так.

* * *

Его телефон зазвонил. Декер посмотрел на экран. Номер незнакомый, но это ничего не значит. Рекламируя свою работу частным детективом, он оставлял свой номер в самых разных местах. Сейчас ему не хотелось думать о работе, но, опять же, нельзя игнорировать платежеспособных клиентов. Если его вышвырнут из этой дыры за неуплату, он вернется в ящик. А зима уже близко. И пусть он накопил немного жира, который греет, прочная крыша над головой всегда лучше картона.

– Декер, – ответил он.

– Мистер Декер, я Александра Джеймисон из «Ньюс лидер». Могу я задать вам несколько вопросов относительно последних событий в расследовании, связанном с вашей семьей?

– Откуда у вас этот номер?

– Друг друга.

– Сегодня я уже второй раз слышу эту фразу. И в этот раз она ничуть не лучше первого.

– Мистер Декер, прошло шестнадцать месяцев. Вы должны что-то чувствовать, зная, что полиция наконец-то произвела арест.

– Откуда вы знаете об аресте?

– Я работаю с полицией. У меня есть контакты. Надежные контакты, которые сообщили мне, что подозреваемый находится под стражей. Вы что-нибудь еще об этом знаете? Если да, то...

Амос нажал кнопку отбоя, и ее голос исчез. Через секунду телефон вновь зазвонил, но Декер просто выключил его.

Он не любил прессу в бытность свою детективом, хотя иногда и журналюги приносили какую-то пользу. Но для частного детектива пользы от них не было вовсе. И они не получают от него никаких сведений или помощи по поводу расследования, «связанного» с его семьей.

Амос вышел из комнаты, сел на автобус на углу и доехал на нем до другого автобуса, на котором добрался до центра. Несколько небоскребов мешались с кучей других зданий, низеньких и средних, одни в хорошем состоянии, другие – не очень. Хорошо спланированные улицы лежали тесной сеткой прямых углов и ровных магистралей.

Он проводил мало времени в центре города. Преступления – по крайней мере серьезные – совершались либо в северной части, либо в пригородах. Но участок, где он работал и где находились камеры для арестованных, был именно здесь, в самом центре.

Декер стоял на улице и смотрел на здание напротив, в которое он входил каждый день в течение многих лет: Второй участок. На самом деле это был Первый участок, поскольку старый Первый сгорел. Но никто не озаботился сменой номера. Наверное, не было денег в бюджете.

Участок был назван в честь Уолтера Джеймса О'Мэлли, который возглавлял его лет сорок назад. О'Мэлли упал мертвым возле бара, когда шел под руку с любовницей. Но это никому не помешало назвать здание в его честь, что убедительно доказывало: адюльтер не особо вредит наследию человека. Даже если он убил тебя.

Старая берлога Декера была на третьем этаже. Отсюда виднелось то самое окно, в которое он таращился на улицу, когда не смотрел на Ланкастер, сидящую напротив в тесной комнатухе. Камеры предварительного заключения располагались в подвале, как раз со стороны этой улицы, так что сейчас от Себастьяна Леопольда его отделяло едва пятьдесят футов.

Амос никогда еще не был так близко к предполагаемому убийце своей семьи. Хотя, может, и был, когда, по-видимому, оскорбил этого парня в «Севен-илевен».

Декер отвернулся, когда увидел знакомых полицейских – двух в штатском и одного в форме. Хотя он здорово изменился с тех пор, как ушел из полиции, они вряд ли его пропустят. Амос шагнул в переулок и прислонился к стене. Уровень тревожности скакнул вверх. Головная боль пришла и ушла. Мозг уставал все сильнее, потому что никогда не прекращал работать. Даже во сне. Как будто его подсознание на самом деле стало сознанием. Для человека, который никогда ничего не забывал, ему было нелегко припомнить, кем он был. И как пришел к тому, кто он есть сейчас.

Декер закрыл глаза.

* * *

Этот «подарок» достался мне в двадцать два года. Я был второсортным футболистом из колледжа, который пришел в команду НФЛ^[9] со средними способностями, но яростным ударом плечом. Я вышел на поле в первой игре сезона, сыграв в решающей встрече предсезонья и пережив финальный рывок. Я в спецкоманде. Моя работа проста: принести себя в жертву, чтобы создать неразбериху и дыры в возвращающей команде, и тогда другие парни смогут остановить соперника. Я вывожу свою задницу на поле. Я собираюсь устроить настоящее мясо. Я бегу так мощно, что из носа летят сопли, а изо рта – слюни. Никогда в жизни мне еще не платили столько денег. Я стремлюсь их отработать. Я собираюсь уложить какого-нибудь чувака на землю, уложить как следует.

И это все, что я помню. Дуэйн Лекруа, новичок из Луизианского университета, на пять дюймов ниже и пятьдесят фунтов легче, но сила, с которой нельзя не считаться, уложил меня на то поле ударом, которого я даже не заметил. Чувак взорвал меня, как говорили в НФЛ. Через четыре года он уйдет из лиги с поврежденными коленями, левым плечом, урезанным до кости, и перерасходом на банковском счету. Сейчас Лекруа проживает в тюрьме строгого режима в Шривпорте за преступления против своих сограждан. Там он и умрет рано или поздно. Но в тот день он шел, вскидывая кулак вверх, красуясь, как петух перед курицами, а я лежал на поле без сознания.

И после того удара ничто для меня не осталось прежним.

Ни черта.

Декер открыл глаза, когда услышал с улицы звуки какой-то суматохи. Хлопали двери. Визжала автомобильная резина, проскальзывая по асфальту. Выли сирены. Кричали люди, металл гремел о металл. По мостовой стучали каблуки.

Он встал так, чтобы видеть здание напротив. Патрульные машины, завывая сиренами, вылетали из подземного гаража участка. Полицейские в форме и в штатском выбегали из передней двери участка и мчались к своим патрульным или личным машинам, припаркованным вдоль улицы.

Декер продолжал смотреть. Из переулка, примыкающего к зданию участка, выбрался громоздкий фургон полицейского спецназа, вывернул на улицу, а потом водитель втопил педаль в пол, и железный носорог помчался прочь.

Декер неторопливо вышел на улицу и присоединился к группе горожан, которые высунулись из скорлупы своих жизней, чтобы последить за этим тревожащим представлением. Он прислушался к разговорам на случай, если кто-то знает, что происходит, но все были просто ошеломлены и растеряны.

Декер торопливо пересек улицу и увидел мужчину, выходящего из участка.

– Пит? – произнес Амос.

Мужчине, одетому в костюм с испачканным рукавом, было немного за шестьдесят, почти пенсия. Он слегка сутулился и зачесывал седые волосы назад. Мужчина остановился и взглянул на него. Декер заметил, что Пит Рурк держит в руках служебный пистолет и как раз проверяет магазин.

– Амос? Какого хрена ты тут делаешь?

– Просто шел мимо. Что происходит?

Пит побледнел и выглядел так, будто вот-вот упадет на тротуар.

– Какой-то псих в Мэнсфилдской средней школе. Пришел туда с охапкой «стволов» и начал расстреливать всех подряд. Декер, там куча трупов. В основном дети. Мне нужно идти... – Он захлебнулся. – Вот дерьмо, там мой внук. Только поступил. Я даже не знаю, жив ли он...

Пит повернулся и, спотыкаясь, пошел к своей машине, светло-коричневому «Малибу». Рухнул на водительское сиденье, включил зажигание и с визгом резины рванул с места.

Декер смотрел ему вслед. Армия копов мчится к месту стрельбы в средней школе. Мэнсфилдская средняя. Когда-то, тысячу лет назад, в ней учился и сам Декер.

Он огляделся. Вой сирен затихал. Люди напротив уже расходились, возвращаясь к своим делам. Многие смотрели в телефоны, проверяя новости. Декер последовал их примеру, но пока там ничего не было. Видимо, ничего еще не закончилось. Однако новости непременно подхватят эту тему – и уже не отпустят.

Пока не начнется следующая стрельба. Тогда они устремятся туда.

До следующей.

Декер уставился на дверь участка. Интересно, сколько сотрудников осталось в здании? Наверняка они кого-то оставили. Ведь у них в камере сидит резонансный заключенный.

Амос коснулся выпуклости пистолета на поясе. С этим будет проблема. Магнитометр сразу за передней дверью. Декер огляделся и заметил неподалеку от здания мусорный бак. Он подошел и приподнял крышку. Мусора едва на четверть объема. Декер припомнил, что

мусоровоз не появится раньше конца недели. Сверху на куче мусора лежали какие-то лохмотья. Амос вытащил пистолет, завернул его в тряпки и засунул на дно бака.

Потом он посмотрел на свою одежду. Еще одна проблема. Декер посмотрел по сторонам и заметил витрину. Он пару раз покупал там вещи. Давным-давно.

«Магазин Грейди. Широкие и высокие».

«Ну, я как раз широкий и высокий. Хотя сейчас скорее широкий».

Декер достал свою кредитку. У нее был лимит. Очень низкий лимит. Но этого должно хватить.

Он подошел к магазину и открыл дверь. Брякнул колокольчик.

Хорошо одетый пухлый мужчина направился к Декеру, и тут же шагнул назад.

– Могу я вам помочь? – спросил он с приличного расстояния. Вероятно, счел его бездомным и решил, что тот хочет ограбить его.

Декер достал бумажник и мельком показал значок частного детектива. Он двигался быстро, и значок вполне можно было принять за что-то другое. Потом Амос посмотрел на улицу, в сторону участка, уплотняя свою уловку. Ложь плохо ему давалась. А после того удара на футбольном поле с ней стало еще хуже, поэтому ему было очень трудно говорить что-то кроме буквальной правды. Он инстинктивно желал точности и неохотно принимал что-то меньшее. Однако, будучи полицейским, который часто работал в подбрюшьи криминального мира, ему приходилось кривить душой.

Как полицейскому, а сейчас – частному детективу, Амосу требовалась способность гнать фуфло, иначе его работа станет невозможной. И в конце концов он набрел на метод, который срабатывал.

«Я буду безусловно лгать».

– Слишком долго работал над заданием, – сказал он мужчине. – Сам опустился. Еслиловишь крыс, нужно выглядеть как одна из них. А теперь пора вернуться к цивилизации. Понимаете?

Мужчина проследил за взглядом Декера до полицейского участка и кивнул. Он расслабился и даже улыбнулся. И ободряюще заметил:

– Вы не первый. У нас много клиентов из полицейского управления Берлингтона.

– Мне уже приходилось делать здесь покупки, – сказал Декер.

– Разумеется, я вас помню, – солгал мужчина.

Амос закупался быстро. Куртка пятьдесят четвертого размера, длинная. Брюки сорок восьмого, слишком узкие, и Декер вывалил живот над поясом, как делали многие мужчины в не лучшей физической форме. От ремня он отказался – штаны с него точно не спадут.

С длиной могли быть трудности, но ему посчастливилось найти уже подшитую пару, которая подошла. Рубашка, на мамонта. Галстук, дешевый, но эффектный. Туфли, сорок седьмой размер, из искусственной кожи. Тесноваты, но плевать.

– У вас, случайно, не найдется щетки и электробритвы? – спросил Декер, поглядев в зеркало.

– Наверху, в туалетной комнате.

– А портфель?

– В аксессуарах, вот здесь.

Он купил все в кредит. По просьбе Декера продавец добавил линованный блокнот и несколько ручек, которые выудил из коробки с канцелярскими принадлежностями.

– Они постоянно урезают нам бюджет, – пояснил Амос. – Как нам защищать людей,

если мы не можем позволить себе даже ручек?

– Просто безобразие, – согласился мужчина. – Мир катится к черту. Вас интересует зажим для галстука или платок?

Декер захватил все покупки в туалет. Там он умылся, воспользовался купленным антиперспирантом, сбрил почти всю бороду, оставив только щетину на подбородке, челюсти и верхней губе, подровнял волосы и причесался. Потом переоделся, засунул старую одежду и обувь в магазинную сумку, вышел с ней из магазина и направился к участку. Галстук сдавливал горло и, несмотря на дезодорант, подмышки уже немного взмокли, хотя на улице было прохладно. Но Декер больше не выглядел так, как раньше. Он не выглядел настолько респектабельно, даже когда работал в полиции.

Амос добавил пакет с одеждой к пистолету в мусорном баке и поднялся по ступенькам участка. Он понимал, что это глупость. Безумие. Он ушел из полиции не так уж давно. В любой момент его могут узнать, как узнал его Пит Рурк. Но Декер не беспокоился. Действительно не беспокоился. Сейчас его ход. Возможно, единственный. Но он его сделает.

Амос миновал магнитометр. В фойе сидел единственный молодой коп. Декер не знал его, и он не знал Декера.

Хорошо и еще раз хорошо.

Он подошел к информационной стойке. За ней сидела пожилая женщина, не в форме. Должно быть, вольнонаемная. Сажать за этот стол кадрового сотрудника – откровенное разбазаривание ресурсов.

Мысленно сформировав свое прикрытие, Декер посмотрел на женщину сверху вниз. Она подняла на него взгляд и распахнула глаза. Возможно, просто дань его размерам.

– Могу я вам помочь? – спросила женщина.

– Находится ли у вас в камере предварительного заключения человек по имени Себастьян Леопольд?

Она растерянно моргнула.

– Не уверена, что вы...

– Я хотел бы поговорить с ним.

– И кто вы...

– Ему нужен адвокат. Я не думаю, что кто-то уже был назначен его представителем.

– Я не знаю...

– Шестая поправка, право на адвоката. Не подлежит отказу. Мне нужно просто поговорить с ним пару минут.

– Я должна позвонить...

– Если вы должны, звоните. Но мне известно, что прямо сейчас и совсем рядом творятся очень неприятные дела. Поэтому, если вам не удастся получить ответ, напомню, что мне нужно провести с ним всего пару минут. – Декер приподнял портфель, чтобы женщина его видела, и похлопал по нему. – Скоро он предстанет перед судом. Он должен быть нацелен на признание. И у меня есть кое-какие идеи.

– Не могли бы вы присесть?

Декер оглянулся на полицейского, сидящего у магнитометра. Тот смотрел на Декера, и это не очень хорошо.

Осознав, что растратил прорву денег, которых не имел, на этот адвокатский прикид, Амос уселся в кресло, привинченное к стене, и стал ждать. Пожилая женщина взяла свой телефон и начала медленно, очень медленно, набирать цифры.

«Цифры. Все время цифры».

Они гипнотизировали Декера, отправляли его в те места, куда он далеко не всегда желал идти.

Амос закрыл глаза, и его разум со свистом понесся назад... к тому дню, нет, к тому *моменту*, когда его жизнь навсегда изменилась.

Всякий раз, когда на мегатроне повторяли столкновение, зрители бесились, а такое бывало часто, как мне потом сказали. Мой шлем пролетел пять футов и катился еще шесть, прямо под ноги полосатику, который подобрал его и, наверное, проверил, нет ли внутри моей головы.

Я думаю, мои мозги бились о череп, как птица бьется в стекло, пока не сломает себе шею. Ага, толпа радовалась и вопила каждый раз, когда мегатрон изрыгал повтор.

А потом, так сказали мне, они перестали радоваться. Потому что я не встал. Потому что я даже не шевельнулся. И тогда кто-то заметил, что я перестал дышать и начал синеть. Они сказали, главный тренер то стучал мне в грудь, как пресс по железным плитам, то вдувал воздух мне в рот. Позднее они сказали мне, что я дважды умер на том поле, и оба раза он возвращал меня с той стороны. Они сказали, он кричал мне в ухо: «Держись, девяносто пятый! Держись, твою мать!» Я был настолько никем, что он знал мой номер на джемпере, но не мое имя. Мой номер профессионального футболиста – девяносто пять – был отпечатан у меня на груди. Девять и пять. Фиолетовый и коричневый в моем считающем цветами разуме. Я никогда сознательно не присваивал цвета числам. Мой мозг справился с этим без моего разрешения.

Это столкновение изменило во мне все, потому что перекоммутировало мой мозг. Так что я умер, дважды, а потом вернулся, но по сути – кем-то другим. Очень долго я считал этот случай самым ужасным, что когда-либо случалось со мной. А потом пришла та ночь и три тела в неоновом-синем, и футбольный удар ушел на далекое второе место в списке моих личных катастроф.

* * *

– Простите, сэр? Сэр?..

Декер открыл глаза и увидел женщину, которая смотрела на него сверху вниз. Не та пожилая дама за стойкой. Эта была намного моложе, наверное, лет под тридцать, в черных слаксах и светло-голубой блузке с расстегнутыми верхними пуговицами. У девушки был свежий цвет лица, и от нее веяло оптимизмом и эффективностью. Должно быть, совсем новенькая, подумал Декер. Через год она уже не будет так выглядеть. Даже через полгода. Если каждый день имеешь дело с подонками, старишься быстрее, чем от солнца.

Декер взглянул на карточку, которая болталась на бедре девушки. Салли Бриммер. Связи с общественностью. Должно быть, она пришла сюда уже после его ухода. Удача на его стороне.

«Амос, лги безупречно. Ты сможешь. Ты должен это сделать. Учитывай каждое слово. Потому что отдачи не избежать. Каждое слово... Давай».

Он встал и протянул руку:

– Да, мисс Бриммер?

Они обменялись рукопожатием. Ее ладонь утонула в его, и Декер понадеялся, что девушка не сочтет его потную кожу доказательством обмана.

– Мне сообщили, что вы хотите встретиться с Себастьяном Леопольдом, – сказала она.

– Совершенно верно. Я понял, что ему требуется юридическая консультация.

– И от кого вы это поняли?

Декер подавил растущую тревогу, прокрутил свой ЦВМ, сформулировал ответ и облек его в слова:

– Я связывался с «Ньюс лидер», Алекс Джеймисон. Вы о ней слышали?

– Да, слышала. Она хороша. Она может знать. И вы адвокат?

Декер показал ей визитную карточку с адресом на другом конце города, который являлся адресом юридической фирмы. Бриммер взглянула на карточку и вернула ее.

– У нас сейчас чрезвычайная ситуация, – сказала она.

– Я слышал. Пит Рурк сказал мне, когда я сюда шел. Мэнсфилдская средняя школа. Его внук там. Надеюсь, с ним всё в порядке.

– Так вы знаете Пита?

– Мы давно знакомы, мисс Бриммер.

Она вздохнула и огляделась.

– На самом деле, не я должна принимать такие решения...

– Я могу зайти попозже, – сказал Декер, но не успела она отреагировать на это предложение, как он добавил: – Но Леопольду должно быть предъявлено обвинение в течение сорока восьми часов, иначе его придется отпустить. И вряд ли кто-нибудь здесь этого хочет.

– Нет, разумеется, нет. Это просто...

В разуме Декера мелькнули верные слова. Как будто он читал с телесуфлера.

– А отправка его на предъявление обвинения без адвоката или с плохо подготовленным адвокатом может создать юридическую неразбериху, которая в конечном счете выйдет полицейскому управлению боком, уж простите за выражение. Я знаю, что это вам тоже не нужно. Как и любому законопослушному гражданину.

Бриммер начала кивать уже на середине его речи.

– Вам требуется только несколько минут?

– Да, несколько минут, – подтвердил он.

Она колебалась, Декер видел это по ее глазам. Она не хотела с этим связываться и чувствовала, что ее вынуждают принять решение.

Чем глубже он увязал в этой лжи, тем сильнее тревожился. Амос глубоко вдохнул и, выдыхая, затолкал желчь поглубже в горло.

– Только пара минут, – сказал он. – Потом я выйду оттуда. И он не сможет ни на что пожаловаться.

Последняя фраза была чистой правдой.

– Вы знаете, в чем его обвиняют? – спросила Бриммер.

– Да, и очень хорошо. Но, независимо от гнусности его преступлений, он имеет право на адвоката. И если его признают виновным, ему сделают смертельную инъекцию без единой жалобы от вашего покорного меня. Обещаю вам.

«Правда определенно сделает тебя свободным, Амос».

Ее колебания рухнули, как плотина под напором воды.

– Хорошо, следуйте за мной.

И Амос Декер последовал за ней.

Они завернули за угол – и вот он, крыса в клетке, по крайней мере, на взгляд Декера. Но этого недостаточно. Ему нужно убедиться.

Бриммер взглянула на Декера, потом на Леопольда.

– Вон он. Я могу дать вам пятнадцать минут, не больше.

– Это все, что мне нужно, – ответил Декер.

Там был и надзиратель – снова парень, которого Декер не узнал. Проработав детективом десять лет, он не часто общался с сотрудниками в форме.

– Откройте, пожалуйста, – сказала Бриммер надзирателю.

Ключ вошел в скважину, и дверь отъехала в сторону. Декер вошел в камеру и посмотрел на мужчину, который свернулся, как кот, на двухъярусной кровати.

– Пятнадцать минут, хорошо? – сказала Бриммер.

Амос, не глядя на нее, кивнул. Стук ее каблуков затих. Декер подождал, пока надзиратель не вернется к своему столу в конце коридора, потом шагнул вперед и полностью сосредоточился на заключенном.

Себастьян Леопольд был не таким крупным, как представлял себе Декер по описанию Ланкастер.

«А может, я просто намного крупнее».

На него надели оранжевый тюремный комбинезон. Руки и ноги в наручниках, пояс прикован цепью к стене. И это было обидно, поскольку, попытайся Леопольд напасть, Декер мог бы просто убить его в целях самозащиты.

Мужчина повернул голову, и Амос собрался, думая, что сейчас Леопольд его узнает. Но ничего не случилось. Странно, раз уж он настолько неуважительно обошелся с этим парнем, что тот из мести перебил всю семью Декера.

Глаза мужчины налиты кровью, зрачки расширены. Декер полагал, что копы уже провели тест на наркотики, заставили парня помочиться в бутылку и подышать в алкотестер и даже взяли соскоб для анализа ДНК. У комбинезона короткие рукава, открывающие предплечья заключенного. На правой руке татуировка – два дельфина. Любопытно. А еще на обеих руках следы уколов. Причем относительно свежие. Интересно, уж не ширнулся ли мужик перед тем, как завалиться в участок и признаться в трех убийствах? Да, подумал Декер, для такого дела лишняя подкачка не помешает.

На одном из пальцев левой руки не хватает двух фаланг. На лице шрам. Сломанный нос свернут на десять градусов влево. Руки на вид мозолистые и сильные – видно, занимался физическим трудом.

«И вот эти руки лишили меня Молли?»

– Мистер Леопольд? – позвал Декер.

Тот продолжал смотреть в его сторону невидящими глазами. По крайней мере, так казалось Декеру.

По-прежнему не узнает. Хотя после бритья и стрижки Декер стал намного ближе к тому полицейскому, который семнадцать месяцев назад якобы оскорбил Леопольда в «Северилевен».

Декер посмотрел на лицо мужчины и включил свой ЦВМ. Кадр сменялся кадром, воспоминания мчались к тому времени, когда он предположительно столкнулся с этим

человеком. Дата горела в его голове, будто написанная прямо на глазных яблоках. За месяц до убийства, так сказала Ланкастер. Для надежности Декер добавил к дате неделю до и неделю после.

Его ЦВМ жужжал, проматывая кадры час за часом, минута за минутой. В этот период Декер побывал в том «Севен-илевен» три раза.

Себастьяна Леопольда там не было.

Амос отключил ЦВМ и присел на стул, вделанный в стену.

– Мистер Леопольд, – негромко произнес он. – Вы меня узнаете?

Казалось, Леопольд слушает, но не слышит.

– Вы меня узнаете?

Леопольд покачал головой.

Он делал какие-то странные движения руками. Декер отметил узоры, которые выписывали ладони мужчины.

– Вам нужен адвокат, – сказал он и похлопал по своему портфелю.

Руки Леопольда замерли, и он кивнул.

Декер достал блокнот и ручку:

– Вы можете рассказать мне, что именно произошло той ночью?

– Зачем?

Странно, но в голосе Леопольда внезапно мелькнула настороженность. Декер допрашивал многих заключенных, многих обвиняемых. Большинство из них были тупыми, как грязь, и признавались в преступлениях, совершенных по еще более тупым причинам. Но некоторые являлись намного умнее, чем казались. И возможно, Леопольд – один из них.

– Вам нужна защита. Вы признались в трех убийствах.

– Я виновен. Я это сделал.

– Все равно вам нужно представительство в суде.

– Зачем?

– Так устроена система правосудия. Поэтому мне нужно знать факты.

– Они собираются меня казнить.

Голос ребенка, который признается и ждет наказания. Скрытный заключенный превратился в маленького мальчика. Декер задумался, не наркотики ли дают такой эффект, превращая в пинбол^[10] мыслительный процесс мужчины.

– Это то, чего вы хотите?

– Не ко мне.

– Вы правы. Это в большей степени к судье и присяжным. Но вход все равно за вами.

Итак, вы хотите рассказать мне, что произошло?

Декер взглянул на часы. Прошло четыре минуты. И в любую секунду мимо может пройти кто-то знакомый. Амос развернулся, чтобы сидеть спиной к двери камеры.

– Я их убил, – просто ответил Леопольд.

Сейчас он неотрывно смотрел на Декера. Тот выискивал во взгляде Леопольда любой намек на узнавание. И если он его увидит, то что сделает? Задушит этого человека, как тот задушил его дочь?

Леопольд снова принялся двигать руками. Сейчас он походил на дирижера, управляющего невидимым оркестром. Декер несколько секунд следил за этими движениями, потом перевел взгляд:

– И почему вы это сделали?

- Чувак достал меня.
- Какой чувак?
- Тот чувак. Который там жил.
- И чем он достал вас?
- Просто достал.
- Но чем именно?
- Херово отнесся ко мне.
- Вы там работали? Или были покупателем? В «Севен-илевен» на Десалль?

Леопольд проигнорировал вопрос и сказал:

- Ну, я его сделал, а?
- Как вы это сделали?
- Убил его семью.
- Нет, я имею в виду, как вы узнали, где он живет?
- Проследил за ним.
- Как?

Во взгляде мужчины появилось подозрение, которого Декер прежде не видел.

- Мне незачем рассказывать тебе это дерьмо. Ты коп? Хочешь обдурить меня?
- Мистер Леопольд, вы признались. Дурить вас уже ни к чему. Вы понимаете это?

Тот моргнул и потер шею.

- Ну да, похоже на то.
- И нет, я не коп. Итак, вы проследили за ним. Как?
- В смысле, как?
- На машине, пешком, на велосипеде?
- У меня никогда не было чертова велосипеда.
- Значит, на машине?
- Если у меня нет велосипеда, то и машины нет.
- То есть пешком, так?

Леопольд медленно кивнул и пристально посмотрел на Декера, возможно, желая увидеть его реакцию на эти слова.

Амос что-то нацарапал в блокноте. Затем вытер со лба бусинку пота, хотя в подвальной камере было не жарко. Если его здесь засекут, он может отправиться в тюрьму. И ему действительно не нравится говорить с людьми. В общем, чем короче, тем лучше. Но ему нужно это сделать. Возможно, это его единственный шанс.

– Итак, вы выяснили, где жил этот «чувак», и решили убить его семью. Но вы ждали месяц или около того. Почему?

- Кто сказал, что я ждал месяц?
- Так вы сказали полиции.

Леопольд скорчился, крыса, которая пытается забиться в щель. Вот только здесь не было ни одной щели.

– Ладно, все верно. Мне нужно было это спланировать. Посмотреть на место, так сказать, проверить обстановку.

Декер взглянул на татуировку.

- Когда вы служили на военном флоте?

Глаза Леопольда на долю секунды сверкнули:

- А кто говорит, что я служил?

Декер указал на татуировку:

– Два дельфина. Моряки часто делают себе такую. Вы постарались, чтобы она не выглядывала из-под рукава, все по уставу.

Леопольд посмотрел на татуировку так, будто она его предала.

– Я не служу на флоте.

– Итак, вы проверили обстановку, а потом отправились туда. Давайте пройдемся через это.

Декер обернулся на звук. Ничего страшного, надзиратель идет по коридору. Он вытер со щеки еще одну каплю пота.

– Давайте пройдемся через это? – повторил Леопольд.

– С момента, когда вы вошли туда, и до момента, когда вы вышли. Давайте начнем с того, как вы туда попали.

– Пешком.

– Адрес дома?

Леопольд помешкал.

– Двухэтажный, желтая обшивка, сбоку гараж.

– Как вы попали внутрь?

– Боковая дверь в кухню.

– Вы помните, как выглядела комната?

– Мужик, это была хренова кухня. Плита, мойка, стол и стулья.

– Помните цвет стен?

– Нет.

Декер снова взглянул на часы. Нужно поторопиться. С каждой секундой его тревога росла все быстрее.

– Кого вы убили первым?

– Того чувака. Думал, это тот парень, который достал меня. Но я так понимаю, это был не он.

– Откуда вы это узнали?

– Фотография в газетах. После.

– Продолжайте.

– Он сидел за кухонным столом. Пьяный.

– Как вы это поняли?

Леопольд, явно раздраженный, посмотрел на него:

– А чего ты меня об этом все время спрашиваешь?

– Эти вопросы будут задавать копы. И суд. Присяжные захотят все это узнать.

– Черт, я же признался.

– Они все равно могут спросить.

Казалось, Леопольда потрясла эта новость.

– Зачем?

– Чтобы лучше выглядеть. Как вы поняли, что он пьян?

– Пивные бутылки на столе.

– Как вы его убили? Он был намного крупнее вас.

– Он был пьян. Я достал нож и порезал его, прямо здесь, – ответил Леопольд, указывая на свое горло.

– Его нашли в смежной комнате.

– Ну да, так и было. Ну, он типа пополз туда, когда я его порезал. Кровищи было, как из свиньи. А потом, блин, он просто замер и больше не шевелился.

– Он издавал какие-то звуки?

– Ага, только тихо, – сказал Леопольд и снова указал на свое горло. – Прямо здесь его вскрыл. Особо и звуков-то не было.

– Вы помните, во что он был одет?

Леопольд тупо посмотрел на Декера:

– Давно было. Штаны? Рубашка?

– Что дальше?

– Ну, я знал, у него семья. Пошел убить их тоже.

– Давайте пройдемся через это, – спокойно произнес Декер, хотя испытывал обратное чувство.

Его сердце стучало с такой силой, что его удары ощущались по всему телу, как будто внутри колотились тысячи обезумевших сердец.

«Продержись, Амос, еще немного. Продержись».

– Я поднялся по лестнице. Первая комната на...

– Слева? – предложил Декер.

Леопольд ткнул руками в его сторону:

– Ага. Слева.

– И?..

– И я вошел. Она была в ванной... нет, она была в кровати. Точно, в кровати. Симпатичная девка. На ней была ночнушка. Прямо насквозь прозрачная. Блин, классная была сучка.

Декер стиснул край стула, не отрывая взгляда от Леопольда. Его жену не изнасиловали. Это было подтверждено.

– Значит, свет был включен? – спросил он.

– Что?

– Вы сказали, что ее ночная рубашка просвечивала насквозь. Я предположил, что свет был включен.

Леопольд казался неуверенным.

– Нет, не думаю.

– И что дальше?

– Я встал над ней.

– Когда она еще лежала в кровати?

Леопольд сердито глянул на Декера:

– Блин, мужик, дай мне рассказать.

– Извините. Продолжайте.

– Я достал «пушку». Приставил ей ко лбу и застрелил ее.

– Какую именно «пушку»?

– Сорок пятый. «Смит и Вессон», – тут же отозвался Леопольд.

– Где вы ее взяли?

– Украл у какого-то парня.

– У этого парня есть имя?

Леопольд только пожал плечами.

– Продолжайте.

Снаружи донесся шум хлопающих дверей и шагов. Похоже, кто-то из копов возвращался из Мэнсфилдской школы.

– Ну, я ее застрелил. Нет, погоди-ка... Она проснулась, начала соображать. Села на кровати, собралась закричать. Да, вот так. И я застрелил ее. И тогда эта сучка упала с кровати.

– Упала на пол? Все тело?

Леопольд с опаской взглянул на него:

– Может, и не все. Может, рука осталась на кровати, или нога, или еще что.

Это была критическая точка. Одна из тех подробностей, которые не попали в газеты. Рана на голове была не единственной. Это выяснилось во время вскрытия.

Кэсси не изнасиловали. Но ее половые органы были изуродованы.

– Ну, я знал, что у него еще дочка. Пошел по коридору в ее комнату. Она спала.

– На этом с женщиной всё? Больше ничего не было?

Леопольд таращился на него.

– Я же сказал тебе, что я сделал. Я ее застрелил. Насмерть!

– Ладно.

– Потом я пошел по коридору к ребенку.

– Погодите, а выстрел не разбудил девочку?

Леопольд вновь казался озадаченным:

– Да вроде нет. Нет, вряд ли. Она спала.

– И что потом?

– Я вытащил ее из кровати.

– Зачем?

– Просто. Я тогда не очень соображал. Отвел ее в ванную.

– Еще раз зачем? Не очень соображали?

– Да, точно. Может, мне нужно было отлить, и я не хотел, чтоб она сбежала.

– И вы отлили?

– Не помню.

– Она не кричала, когда вас увидела?

– Нет. Она испугалась, я так думаю. И... и я сказал ей, чтоб вела себя тихо.

– Дальше?

– Потом я ее задушил. Положил ей руки на шею и сдавил плотно, как...

Декер поднял руку, останавливая мужчину, и на секунду отвернулся. Все заливал слепящий синий цвет. Свет был таким ярким, что Амосу подумалось, не заболел ли он. Казалось, будто он задыхается в этой синеве.

– Эй, мужик, ты в порядке? – с искренней озабоченностью спросил Леопольд.

Лоб Декера взмок, и он медленно отер пот.

– Ладно, вы убили ее, и что дальше?

Леопольд вновь неуверенно посмотрел на него.

– Вы что-то сделали с телом? – уточнил Амос. – Или с ее одеждой?

Леопольд прищелкнул пальцами.

– Точно, – произнес он, и его лицо просветлело, как будто он только что правильно ответил у доски. – Я посадил ее на унитаз и привязал ее... эээ... как же это будет...

– Поясом от ее халата? – вставил Декер.

– Верно. Привязал ее поясом к унитазу.

– Зачем?

Леопольд тупо смотрел на него:

– Затем... затем, что я так решил.

– Как вы ушли?

– Тем же путем, которым вошел.

– Вас кто-нибудь видел?

– Вроде нет, я об этом не знаю.

– Что вы сделали с пистолетом?

– Мусор.

– Где?

– Не помню.

– Нож?

– Леопольд пожал плечами:

– Та же фигня.

– Вы рассказывали кому-нибудь, что вы сделали? – спросил Декер.

– Только сегодня.

– Почему сегодня?

Леопольд снова пожал плечами.

– Мне поджарят задницу?

– Смертельная инъекция. Сковородка будет позже.

– Чё?

– В аду.

– А, ну да, – усмехнулся Леопольд, будто принял слова Декера за шутку. – Годится.

– Так почему же вы пришли сейчас? – спросил Амос.

– Время ничуть не хуже любого другого, – сказал Леопольд. – Да и дел других вроде не запланировано.

Декер посмотрел на шишку на шее Леопольда.

– Что это за шишка? Вы больны?

Тот потянулся и осторожно потрогал ее:

– Не, ерунда.

– Вы проверялись у врача?

– Ага, – фыркнул мужчина. – Слетал на собственном самолете в клинику Мэйо. Заплатил наличными.

«Сарказм. Интересно».

– Если вы служили на флоте, у вас может быть медицинская страховка.

Леопольд покачал головой:

– УБП. Уволен без почестей.

– Так вы все-таки служили на флоте?

– Ага, – признал Леопольд.

Звуки снаружи стали громче. Декер взглянул на часы. Осталось две минуты, а Бриммер похожа на человека, который появится точно в срок, чтобы вывести Декера из камеры.

– Какие-то ПТСР?

– Какие-то чё?

– Проблемы с головой? Депрессия? После боевых действий?

– Ни разу не был в бою.

– То есть вы просто больной сукин сын, который перебил целую семью только потому, что кто-то вас обидел? – ровным и спокойным голосом произнес Декер.

Леопольд попытался усмехнуться:

– Похоже на то. Мужик, я тяжелый случай. Всегда таким был. Если б моя мама была жива, она бы тебе порассказывала. Я просто дерьмо. Похерил каждое гребаное дело, за которое только брался в своей жизни. Не вру.

– И когда мы проверим военные досье, то выясним, что вы служили в военном флоте как Себастьян Леопольд?

Леопольд кивнул, но с отсутствующим видом, как будто на самом деле не соглашался с утверждением.

Декер наклонился к нему.

– Позвольте задать более точный вопрос. Себастьян Леопольд – ваше настоящее имя?

– Ну, я им пользуюсь.

– С рождения или позднее?

– Нет, не с рождения.

– Тогда почему вы используете это имя, если оно не ваше?

– Мужик, что такое имя? Просто буквы, сложенные вместе.

Декер достал телефон и, наведя объектив на Леопольда, приказал:

– Улыбочку.

Он сделал снимок и спрятал телефон. Потом протянул ручку и лист бумаги.

– Вы можете написать здесь свое имя и фамилию?

– Зачем?

– Просто для моего досье.

Леопольд взял ручку и медленно написал имя и фамилию.

Декер забрал бумагу и ручку, встал и бросил:

– Буду держать с вами связь.

Он подошел к двери и позвал надзирателя. Когда мужчина подошел и отпер дверь, Амос сказал, ткнув рукой в сторону, противоположную выходу:

– Память не подводит, туалет прямо вон там?

– Ага, – кивнул надзиратель. – Мужской туалет – первая дверь.

Декер засунул блокнот и ручку в портфель и торопливо пошел по коридору к туалету. Изменения в планах было вызвано звуком шагов, доносящихся с лестницы. Больше одного человека, Бриммер получила подкрепление. А это значит, что они очнулись.

Декер прошел мимо туалета, повернул налево, потом направо и вышел в другой коридор. Он знал этот этаж не хуже прочих.

В конце коридора была дверь. Амос открыл ее и вышел на разгрузочную площадку. Там никого не было. На площадке стояла одинокая фура, ее большие задние двери были распахнуты, открывая пустой прицеп.

Декер сбежал по короткой лесенке, и его новые тесные туфли встретились с асфальтом. Он свернул по переулку налево и через десять секунд вышел на улицу. Повернул направо, а на следующем перекрестке опять налево. Там была гостиница и стоянка такси.

– Прямо на север, пока не закончатся пять баксов, – сказал он свободному таксисту.

Через некоторое время таксист высадил его. Декер добрался до автобусной остановки и с двумя пересадками добрался до «Резиденс Инн». Когда он вылез из автобуса, у дверей мотеля стояли две патрульные машины, а рядом с ними – третья, официальная машина

полицейского управления, на которых не разъезжают патрульные.
«Вот дерьмо».

Хорошо хоть то, подумал Декер, что у него не было возможности забрать из мусорного бака пистолет и старую одежду. Не очень-то умно было бы лезть с оружием в ту ситуацию, которая его наверняка ждет. Он мог сбежать, но, возможно, этого они и ждут. И он не любил бегать. Он больше не годится для бега.

И потому Декер распустил галстук, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, облегченно вздохнул, когда его толстая шея избавилась от этой шикарной удавки, и вошел в фойе «Резиденс Инн». Там его немедленно обступили четверо полицейских.

Декер спокойно посмотрел на них:

– Даже не думал, что у вас столько лишних сотрудников, учитывая события в Мэнсфилде.

– Завязывай с этим дерьмом, Декер, – произнес знакомый голос.

Амос посмотрел вбок.

– Привет, Мак.

– Для тебя – капитан Миллер.

– Я больше не служу в полиции.

– Будь повежливее, или окажешься за решеткой еще до того, как мы закончим говорить с тобой.

Маккензи Миллеру было под шестьдесят, пухлый, как лягушка-бык, и примерно того же цвета. На нем был костюм, и когда Миллер прошел через фойе, пиджак распахнулся. Капитан носил подтяжки, хотя его весьма существенная, как у Декера, талия могла и сама удержать брюки.

– И с чего бы такому случиться?

Миллер одарил его покровительственным взглядом и рявкнул:

– Бриммер!

Выглядящая сбитой с толку Салли Бриммер поспешила к ним, выбравшись из-за искусственного фикуса с толстым слоем пыли на листьях.

– Это тот мужчина, мисс Бриммер?

– Это, несомненно, он, сэр, – быстро сказала она, с ядовитым прищуром глядя на Декера.

– Спасибо, – ответил Миллер с ноткой триумфа.

Он повернулся к Декеру:

– Сегодня ты пришел в участок, когда у нас не хватало людей из-за этой жуткой ситуации в Мэнсфилде и, воспользовавшись этим обстоятельством, выдал себя за адвоката и получил доступ к камере Себастьяна Леопольда.

– Ну, это одна версия, – заметил Декер.

– Это единственная версия, – воскликнула Бриммер.

– Вообще-то нет, – спокойно ответил Амос.

Миллер широко развел пухлыми руками:

– Ладно, Декер, тогда изложи мне другую. И она должна быть хорошей.

– Я пришел в участок и попросил о встрече с Себастьяном Леопольдом. Я сказал, что ему нужен адвокат. Я ни разу не сказал, что я адвокат.

– Вы дали мне свою визитку, – заявила Бриммер.

Разум Декера уже просчитал все на шесть ходов. Ситуация выглядела так, будто он играет в шахматы, а они – в шашки.

– Я дал вам *визитку*. Харви Уоткинса. Он член коллегии адвокатов. Я работал на него как частный детектив. Он занимается уголовными делами. И он хороший адвокат. Я уже не один раз вынюхивал для него работу. Законы это не запрещают.

– Но вы изобразили все так, будто вы и есть Уоткинс, – воскликнула Бриммер.

– Возможно, вам так показалось. Но я не показал никаких документов, удостоверяющих, что я – Харви. А вы ни разу не спросили у меня документы. Я просто дал вам его визитку, когда вы спросили, адвокат ли я.

– Но вы сказали, что знаете Пита Рурка, – раздраженно заявила Бриммер.

– Я действительно знаю Пита. Проработал с ним много лет. Опять же, говорить правду – не преступление.

– Но вы... вы...

Бриммер запнулась и посмотрела на Миллера, взывая о помощи. Но капитан не отрывал взгляда от Декера. Ему явно хотелось досмотреть этот матч до конца.

– Полагаю, – продолжил Декер, – поскольку на мне был костюм и галстук, а в руке я держал портфель, вы приняли меня за адвоката. Я попросил у вас разрешения побеседовать с Леопольдом. Вы сказали, что у меня есть пятнадцать минут. Я воспользовался отведенным мне временем, после чего ушел, а Леопольд остался сидеть в своей камере. – Он оглядел копов. – И я не понимаю, зачем вызвать сюда кавалерию.

Бриммер выглядела растерянной. Копы колебались. Миллер уважительно похлопал в ладоши и указал на полицейских в форме.

– Парни, вы можете отчаливать. – Он ткнул большим пальцем в сторону Бриммер. – И подбросьте даму обратно, ладушки?

– Капитан Миллер... – начала Бриммер, но он отмахнулся от нее.

– Потом, Бриммер. Сейчас просто поезжай с парнями.

Группа вышла, а Миллер и Декер остались мерять друг друга взглядами.

– Мы можем поговорить об этом? – спросил Миллер.

– Мак, вам нужно сосредоточиться на Мэнсфилде. Если ты захочешь вернуться и арестовать меня, я буду здесь.

Миллер кивнул и на мгновение дружелюбно улыбнулся:

– Давай присядем на пару минут. Здесь можно добыть чашку приличного кофе?

Декер отвел его в столовую, за свой стол. Потом сходил к стойке с напитками, стоящей у стены, налил два стаканчика кофе, принес их и уселся напротив своего бывшего начальника.

– Как Мэнсфилд? – спросил Декер.

– Катастрофа. Мы до сих пор находим... всякое. Тела. Список жертв еще вырастет, однозначно.

– А что с внуком Пита?

Миллер покачал головой:

– Не знаю, Амос. У меня пока нету имен. Там куча детей копов. Это самая большая наша средняя школа.

– А стрелок?

Стиснув зубы, Миллер процедил:

– Ушел.

– Как?

– Пока неизвестно. Все еще... расследуется.

– Обычно они стреляются прямо там.

– Не в этот раз. Похоже, в стране объявили неделю стрельбы в школах. Амос, когда это кончится? Ты умный парень. Когда?

– Я не настолько умный.

Миллер медленно кивнул, барабанил пальцами по столешнице. Несколькими быстрыми глотками допил кофе. Вытер губы и спросил:

– Амос, зачем ты это сделал? Зачем ты пробрался к этому сукину сыну?

– Хотел посмотреть на него своими глазами.

– Есть много способов это сделать без таких выкрутасов.

– У Бриммер не должно быть неприятностей.

– Ну, ты преподавал ей очень ценный урок. Не доверяй никому... – Он внимательно осмотрел костюм и галстук Декера. – Я слышал, что ты совсем съехал вниз. Моя информация неверна?

– Я был намного глубже, чем сейчас.

– Вы с Мэри были отличной командой. Чертовски печально.

– Это все чертовски печально, верно?

Миллер скомкал пустой бумажный стаканчик:

– О чем вы говорили с Леопольдом?

– Если хочешь взглянуть, у меня есть записи.

Миллер ослабил галстук:

– Я бы предпочел *услышать*, прямо от тебя.

– Он странный парень.

– Если он хладнокровно убил троих человек, я бы сказал, что он очень странный. Надеюсь, что таких людей всегда будут считать «очень странными», как бы ни портился мир.

– Он кое-что знает о преступлении, но ничего сверх того, что можно было вычитать в газетах. Или...

– Или что? – быстро спросил Миллер, взгляд его голубых глаз не отрывался от лица Декера.

– Или услышать от кого-то, кто знает намного больше подробностей этого преступления.

– То есть от человека или нескольких человек, которые действительно это сделали?

– Ты считаешь Леопольда нашим парнем?

– Я его ничем не считаю. Пока я знаю только, что ранним утром он пришел в участок и признался. Что еще?

– Он служил в ВМФ, – сказал Декер. – Я заметил татуировку, а потом он сам признался, что служил. Скорее всего, Себастьян Леопольд – его ненастоящее имя. Проверка в Минобороны скажет, кто он на самом деле. У парня на шее опухоль. Не похоже, что болезненная. Но, возможно, это рак. Он терялся в некоторых значимых подробностях места преступления...

– Например?

– Например, он не помнил, с какой стороны коридора была первая спальня. Я предложил вариант слева. Он согласился. На самом деле, она была справа. Возможно, это не ахти что. Но потом он сказал, что застрелил Кэсси, когда она еще спала, и тут же передумал – сказал, что она уже проснулась. Стреляли в упор. И я не представляю, как он мог это

сделать, если она проснулась, кричала и, возможно, сопротивлялась ему. Ее нашли на полу. Думаю, он это помнил и соответственно изменил рассказ. И не упомянул какие-либо другие... действия.

Миллер кивнул. Он точно знал, на что намекает Декер.

– Продолжай.

– Парень немного скрытничает, но у него винтика не хватает. Вроде как то есть, то нет. Не думаю, что у него хорошо с памятью. Кроме того, он наркоман. На руке свежие следы уколов.

– Дальше.

Декер уже решил: он не станет рассказывать все, что выяснил или о чем додумался. Инстинкт подсказывал ему придержать кое-что в запасе и посмотреть, как пойдут дела.

– Он сказал, что я оскорбил его в «Севен-илевен» по соседству. Он не сказал, работал он там или нет. Похоже, вам, ребята, он сказал то же самое... Ладно, «Севен-илевен». И что? Я всегда ездил туда на машине. Ни разу не пришел пешком. У него машины нет. Но он сказал, что проследил за мной до моего дома. Так как же он это сделал? И еще одно: я ни разу в жизни до сегодняшнего дня не видел этого парня. А я бы запомнил, если б у кого-то были со мной проблемы.

Миллер задумался, провел рукой по галстуку и принялся играть с зажимом.

– Ты никогда ничего не забываешь, верно?

Декер никогда не рассказывал о том, что с ним случилось. Когда ему поставили диагноз, его отправили в исследовательский центр вне Чикаго для дополнительных экспертиз. Он провел там не один месяц,знакомился с другими людьми с теми же способностями, мужчинами и женщинами. У них было много групповых занятий. Кто-то подстраивался к своим способностям лучше других. Кто-то так и не подстроился. Насколько знал сам Декер, из всех присутствовавших там только у него это состояние не было врожденным. Все остальные члены группы жили с этим намного дольше, чем он. Он предполагал, что тут есть свои плюсы и свои минусы.

– Все забывают, – сказал он.

– Я давно обратил на тебя внимание. Ни разу не рассказывал?

Декер помотал головой.

– Видел тебя в футболе. Смотрел ту игру по телевизору.

– В смысле, на «Ю-тьюбе»?

– Нет, в смысле, ту самую игру, на которой тебя уложили. Самый жесткий удар на моей памяти. Не знаю, как ты выжил, Амос. Правда, не знаю.

– А почему ты смотрел ту игру?

– Ты был чертовски хорошим игроком в Мэнсфилде. Лучший квотербек из всех, что у нас были, охеренный лайнбекер^[11] на линии D. Ты был быстрым для своих размеров. Ты был хорошим игроком в колледже. И, насколько мне известно, единственным человеком из скромного городка Берлингтона, который когда-либо играл в НФЛ. И потому я смотрел ту игру. Я бы поехал на стадион, если б мог.

– Ну, хорошо, что ты ее смотрел, поскольку это была моя единственная игра в НФЛ.

– А потом я проверил твои баллы в полицейской академии, – продолжил Миллер. – И твои тесты на детектива.

– А это еще зачем?

– Потому что, Амос, мне было любопытно. Не думай, что управление не заметило твоих

показателей – сначала копа, потом детектива. У тебя было нечто, отсутствующее у остальных.

– Мэри – хороший полицейский.

– Да, верно. Хороший, но не замечательный. Хороший, но не безупречный. А вот твои баллы в полицейской академии и потом, на экзамене на детектива, были безупречными. Ты не ошибся ни в едином вопросе. Первый раз за всю историю штата, так мне сказали. Тогда я заинтересовался твоей учебой в колледже. Ты был хорошим студентом, но в категории В. И твои результаты были совсем не безупречны.

– Футбол оставляет мало времени для учебы.

Миллер задумчиво потер подбородок.

– Давай вернемся к делу. Что еще у тебя есть?

Декер чувствовал, как мигрень марширует по шее к затылку. Тусклое освещение столовой сейчас ощущалось им как ярчайшая цирковая иллюминация. Синий цвет, чудовищно резкий, просачивался из всех уголков жизни и сходил к его душе. Амос чувствовал, как он растет.

– Не думаю, что Леопольд – наш парень, – ухитрился произнести он.

– Я знал это еще до того, как сел с тобой за стол.

– Откуда?

– Ты не убил его, уходя из участка. Ты ведь за этим и приходил туда, верно? Оценить парня, задать вопросы, разглядеть его, прочесть мысли, увидеть, тот ли он... И если решишь, что тот, – нет больше Леопольда... – Он смерил Декера взглядом. – Дело несложное. Футболист, силен как бык... Может, сейчас ты и не в форме, но все равно здоровенный чувак. У Леопольда не было никаких шансов.

– Ты не можешь арестовать человека за то, что тот думает о преступлении.

– Нет, и иногда это скорее проклятие, чем благословение.

– Тогда к чему это внушение с копами и Бриммер?

– Я капитан, но у меня тоже есть начальство.

– Так это был налет, чтобы прикрыть задницу?

Миллер резко поднялся на ноги и поправил галстук, подтянув его к кадыку.

Декер смотрел на него снизу, мигрень уже лупила в голову со всех сторон. Он полуприкрыл глаза, чтобы избавиться от тусклого света, который казался тысячью раскаленных ламп.

– Так что ты собираешься делать?

– С тобой – ничего. Теперь Леопольду будет предъявлено обвинение на основании его признания. Далее мы либо подтвердим его рассказ, либо опровергнем. Я серьезно подумаю над всем, что ты мне сказал. В конце расследования он либо останется за решеткой, а потом отправится в суд или признает себя виновным до суда, либо выйдет на свободу.

– А если кто-то заставил его это сделать?

– Он может дать нам след. Уверен, что ты уже об этом подумал.

– Ты дашь мне знать, что вы решите с Леопольдом?

– Ты больше не работаешь в полиции. Я бы предпочел иное, но ты не работаешь.

– В то время мне пришлось принять такое решение.

Миллер потер нос и застегнул куртку.

– Ну, другое время требует других решений.

Он пошел к выходу, но обернулся и поднял палец:

– Амос, сегодня тебе повезло. У тебя был только один счастливый билетик, и ты его истратил. Не забывай об этом. И забудь, что Себастьян Леопольд живет с тобой на одной планете. Оставь это нам. Ты меня подставил, так что больше на меня не рассчитывай. Я тебя распну. Хорошего дня.

Амос Декер еще с минуту сидел за столом, потом бросился в свою комнату, запер дверь, задернул все занавески, упал на кровать и накрыл лицо подушкой, чтобы избавиться от света и уступить зверю, пожирающему его переделанный разум.

Тяжелые тучи пожирали хрупкое небо, пока свет не исчез, хотя солнце по-прежнему было где-то там, истощенное и безучастное. Как будто глядишь на сороковаттную лампочку сквозь марлевую повязку. Для Декера, который был во всем подвержен влиянию цвета, мир сейчас стал серым.

Он засунул руки в карманы, прячась от укусов холодного ветра. Декер оправился от мигрени, сходил в местный «Вендис» и заглотив большой стакан колы; пусть сахар смое остатки недомогания, как кислотная промывка по выцветшему, испачканному металлу, а пот высохнет на коже. Потом Декер вернулся на автобусе в центр и забрал из мусорного бака свой пистолет и одежду. По счастью, их никто не нашел. Он не мог лишиться единственного комплекта рабочей одежды и тем более единственного оружия.

А сейчас Амос стоял в своих старых тряпках, ежась под колючим ветром, и смотрел на Мэнсфилдскую среднюю школу. Как и тысячи других школ по всей стране, ее возвели в послевоенный строительный бум. В 46-м рождаемость подскочила, а со временем всем этим деткам понадобились школы. Вот что делают с мужчиной четыре года войны вдали от дома. Заводят до предела. Наверное, женам вернувшихся ветеранов целый год было не до сна.

У Мэнсфилда было три этажа, все кирпичные, и время обошлось с ним неласково. Окна были заколочены или выбиты. Аккуратные полосы раствора вокруг кирпичей выкрошились и пятнали фасад бессмысленными граффити. Территория заросла мокрицей, в которой протоптали грязные тропинки. Асфальт потрескался, сетку забора покорежило, а створки ворот висели на гнутых ржавых петлях. Сейчас это место больше походило на заброшенную психиатрическую лечебницу, чем на среднюю школу.

Мэнсфилд построили в основном для детей военнослужащих с военной базы по соседству. База была одним из крупнейших работодателей Берлингтона, и обслуживание всех этих солдат здорово пошло на пользу региону. А потом Пентагон сократился, и одной из первых закрыли базу в Берлингтоне.

Теперь вымершая армейская база покоилась за высоким сетчатым забором, всего в сотне ярдов от Мэнсфилдской школы, и зелень уже захватила заметную часть ее территории. Берлингтон так и не оправился от закрытия базы, а последующий экономический спад загнал последний гвоздь в гроб городка.

И сегодня потрепанному Мэнсфилду, как и многим другим школам, не хватало финансирования, учителя быстро улетучивались, о дисциплине уже давно никто не слышал, зато наркотики и алкоголь встречались повсеместно. Количество учеников сократилось вдвое по сравнению с былыми временами, а выпускники сматывались на юг с той же скоростью, с которой дрозды-рябинники улетают от наступающей зимы во Флориду.

Берлингтон, даже без военной базы, некогда был процветающим промышленным городом, подобно тысячам других сообществ, пунктиром рассекающим середину страны, и производил то, в чем нуждалась Америка и остальной мир. Теперь, когда все производство было выведено за границу, здесь оставалось строить только нищету. В городе были две сети продовольственных магазинов. И, на взгляд Декера, самыми популярными продуктами были килограммовые упаковки гамбургеров и бочки приторно-сладкого апельсинового лимонада. Оживленно торговали и точки фастфуда, откармливая до невозможного состояния молодых и старых, и прогнозы роста диабета, рака, инсультов и болезней сердца уверенно били все

рекорды.

И Декер знал это не понаслышке.

Немногие состоятельные жители Берлингтона жили в закрытых коттеджных поселках на западе города и редко выбирались оттуда. Остальные делили между собой три другие стороны света. Бездомные жили на улицах в дырявых спальнях мешках, старых одеялах и картонных квартирах.

«Как и я».

Декер ходил в Мэнсфилдскую школу больше двадцати пяти лет назад. Некоторые трофеи с его именем до сих пор стояли в стеклянном шкафу в спортзале. В средней школе он слыл выдающимся спортсменом, состоял в трех разных спортивных командах. Амос просто был крупнее, быстрее и сильнее всех остальных. Он пользовался популярностью, встречался со всеми горячими девчонками, спал со многими из них, неплохо работал в классе, и все думали, что ему суждена карьера профессионала.

Как же они ошибались...

В колледже он был хорошим, но отнюдь не выдающимся игроком. А потом сектор еще больше сузился. В день набора профи Амос ушел несолоно хлебавши: сотни претендентов были намного лучше него. Он воспринял это как личное оскорбление. Декер пробился в «Кливленд Браунс», надрываясь на тренировочном поле, принося свое тело в жертву идиотскими способами, которые аукнутся к сорока годам, и последним уходил из зала просмотра матчей. Все эти усилия принесли ему карьеру, которая длилась ровно одну игру основного сезона, и навсегда измененный мозг.

В конце концов, было и кое-что хорошее. Декер встретил Кэсси, когда залечивал свои «прочие» травмы. Как оказалось, тот удар испортил ему не только мозги. Когда Дуэйн Лекруа врезался в него, обе бутсы Амоса зарылись в дерн. Среди результатов этого числилось сломанное правое бедро, порванная передняя крестообразная связка на левом колене и внутренний мениск на правом. Практически полный комплект, сказал ему хирург. Ну, семь бед, один ответ.

Кэсси была новоиспеченным физиотерапевтом, чьим заботам поручили Декера. Ему пришлось крепко потрудиться, чтобы вернуться в форму. В конце концов, нога и колени зажили. Мозг остался тем, чем стал. Но каждый шаг этого пути Кэсси была рядом с Декером, ободряя, когда нужно, и изводя, когда ободрения не хватало для мотивации.

За это время они с Кэсси так глубоко влюбились друг в друга, как Декер и представить себе не мог. Когда закончилась его отсидка в институте, где изучали людей с необыкновенными умственными способностями, они с Кэсси обручились, потом поженились и вернулись в его родной город. К тому времени Амос уже много думал, чем станет заниматься в будущем, и вернулся туда с ясной целью поступить в полицейскую академию. Его новая, улучшенная и непогрешимая память превратила занятия в левое дело. Его физические возможности, пусть и подпорченные травмами, все равно позволяли превосходить почти всех на курсе. Декер прошел обучение, был приведен к присяге и получил значок и пистолет. Девять лет спустя его повысили до детектива. И почти десять лет он расследовал серьезные преступления против добрых жителей Берлингтона, хотя в большинстве этих преступлений также обвиняли жителей Берлингтона, но уже не таких хороших, с незначительной примесью чужаков.

Они хотели большую семью, но пытались и никак не могли зачать первого ребенка. Они тратили деньги, которых не имели, на специалистов, и в конце концов Кэсси забеременела.

Так появилась Молли. Она была их единственным ребенком. Беременность чуть не убила Кэсси, а осложнения потребовали хирургического вмешательства, которое сделало ее неспособной к зачатию.

Они назвали девочку в честь матери Декера. Его родители погибли в автокатастрофе, когда Амос учился в колледже, и потому Молли не достались заботливые дедушка с бабушкой. Но она носила бабушкино имя. Все годы вплоть до своей безвременной смерти от рук, возможно, Себастьяна Леопольда...

Декер смотрел на кирпичную крепость, в которую превратился Мэнсфилд. Повсюду под странными углами тянулась полицейская лента, похожая на желтую паутину, ядовитую и опасную. Стояли патрульные машины, микроавтобусы экспертов и черные грузовики без окон, ждущие мешки для трупов. Декер не сомневался, что тела все еще в школе. Если не считать раненых и нуждающихся в медицинской помощи, с места преступления ничего не забирают, пока все не будет тщательно осмотрено, сфотографировано, измерено и должным образом изучено, разведано и проанализировано. Мертвым все равно, сколько времени лежать на полу в лужах собственной крови, – они уже вырваны из жизни каким-то психом с неограниченной огневой мощью. В конце концов, вечность есть вечность.

Если б Декер до сих пор служил в полиции, сейчас он был бы прямо там. Он уже заметил со своего места Мэри Ланкастер, она дважды входила и выходила из здания. Бывшая напарница выглядела изможденной, разбитой и угнетенной. Один раз она взглянула в его сторону, но, похоже, не заметила. Декер знал, что сейчас ее ум занят другими тревогами. Не исключено, что она уже забыла о человеке по имени Себастьян Леопольд, сидящем в камере предварительного заключения. О его признании в убийстве трех человек, двое из которых составляли все, что имел Декер. У Ланкастер прямо сейчас есть срочное дело: куча свежих трупов. А рядом разгуливает на свободе преступник, готовый к новым убийствам. Где уж тут помнить о том, кто тихо сидит в камере...

Стрельба в школе, разумеется, стала хитом в новостях страны. Их городок попал в заголовки первых страниц всех медийных платформ. Фамилии жертв пока не сообщали. Декер регулярно проверял телефон. Только стандартная фраза: «В ожидании уведомления ближайших родственников». От приятеля из полиции он уже знал, что с внуком Пита Рурка все в порядке. Но счастье не улыбнулось сыну одного из патрульных. И муж полицейского диспетчера, Энди Джексон, учитель английского языка в Мэнсфилде, находился в больнице в критическом состоянии со множественными огнестрельными ранениями.

Декер, тщательно выбирая дорогу, начал обходить школу по периметру, не заходя за полицейские ограждения. Миллер сказал, что стрелок улизнул. Весь Берлингтон настороженно следил за расследованием. Разве не достаточно того, что они потеряли своих близких? Так еще и убийца разгуливает на свободе и, возможно, готов убивать снова и снова... Это превращало ситуацию из ужасной в невыносимую.

Однако как убийца сбежал? Преступник, спокойно уходящий с места созданного им Армагеддона, воспринимался Декером как личный и профессиональный вызов.

И потом, была еще одна неочевидная причина. Амос больше ничего не мог сделать с Леопольдом – только сидеть и раз за разом прокручивать в голове бесконечные и бессмысленные гипотезы. Зато он мог подумать о Мэнсфилде и человеке, который устроил эту стрельбу. О том, где этот человек сейчас. И Декер выбрал последнее.

Он шел дальше, в сторону футбольного поля, где когда-то радовался своим победам. Была середина футбольного сезона, и траву на поле вытоптали. Домашняя игра,

запланированная на ближайшую пятницу, не будет сыграна. Возможно, в этом году больше не будет игр. А может, их здесь никогда больше не будет.

Декер поднялся на трибуны и сел неподалеку от пятидесятиярдовой линии. Тащить свою тушу вверх по ступенькам было нелегко, и Амос в очередной раз сказал себе, что нужно сбросить вес и хоть немного вернуться в форму. Если ему так тяжело в сорок два, в пятьдесят два он просто не сможет подняться по лестнице... Черт, такими темпами он и в сорок три не сможет.

Декер смотрел на поле и мысленно возвращался к тем матчам, которые сыграл в школе. Они прятались где-то в мозгу, но раньше он был не в силах докопаться до этих воспоминаний. А сейчас для этого не требовалось никаких усилий. ЦВМ просто отмотал запись к нужной дате и включил воспроизведение.

Возбуждающее и чуточку беспокойное зрелище: юноша, который сносит и раскидывает в разные стороны других молодых мужчин. Он бросал мяч далеко и точно. В колледже Декер быстро понял, что его рука недостаточно сильна для бросков, требующихся от квотербека. Он полностью переключился на защиту – и выяснил, что парни по ту сторону мяча крупнее, сильнее и быстрее, чем он. Грубое пробуждение для парня, привыкшего к легким успехам. Он мог сдать, но предпочел тренироваться жестче, чем более одаренные товарищи по команде.

И все это было напрасно. Футбольные времена давно прошли, карьера в правоохранительных органах отправилась в унитаз, а он сам сидит на ребристой алюминиевой скамье, натирающей задницу до крови уже через полчаса матча. Сидя там, Декер решил, что не станет задумываться о своей жизни дальше следующего утра. Но в оставшееся от сегодняшнего дня время ему есть о чем подумать. И сейчас он думал о том, как же убийца выбрался из здания.

Двери в Мэнсфилде располагались со всех сторон: сзади и спереди, слева и справа. Здание было построено еще в те времена, когда люди не открывали в школах огонь из АК-47, и потому строители не учитывали таких возможностей. Но с течением времени, когда количество инцидентов в школах стало расти, многие двери заперли или переделали так, чтобы те открывались только изнутри. Теперь посетителям требовалось зайти через главный вход и зарегистрироваться. Поговаривали об установке металлоискателей, но их стоимость была непомерной для практически обанкротившейся школьной системы. Школа завела автоматизированную систему оповещения, которая рассылала электронные письма в случае возникновения чрезвычайной ситуации. И сегодня она, скорее всего, разослала сообщения о наихудшем происшествии за всю историю города.

За пределами круга полицейских машин и фургонов СМИ стояли семьи. Когда Декер по пути к стадиону проходил мимо, на лицах этих мужчин и женщин была такая боль, которую Декеру вряд ли доводилось видеть.

Молли пошла бы в первый класс в Мэнсфилд. И сейчас Декер мог бы стоять рядом с другими родителями: переступают с ноги на ногу, засунув руки в карманы, смотрят в землю и только изредка скорбно перешептываются. Ужасная сцена, и Декер чувствовал комок, подступающий к горлу.

Он залез в карман и достал бумажник. Внутри было выцветшее фото дочери, сделанное на девятый день рождения – как оказалось, последний, который она отпраздновала. Озорная улыбка, кудрявые волосы. Глаза ей достались от матери – светло-карие и энергичные. Декер, конечно, помнил, когда именно сделана эта фотография и чем он в этот момент занимался.

Было раннее лето, и он готовил на заднем дворе барбекю, два любимых блюда дочки: жарил канзасские ребрышки и початки водянистой кукурузы, прямо в шелухе.

Декер поднял взгляд на школу и вновь задумался, как же преступник это сделал. Во-первых, вошел в школу с оружием. Во-вторых, совершил эти убийства. И в третьих, ухитрился уйти. На самом деле именно здесь крылось главное. Пункт номер три: выход. Вокруг полно людей, большинство из них еще живы, как же он умудрился уйти незамеченным?

– Доллар за твои мысли!

Он опустил взгляд на гравийную дорожку, бегущую вдоль загородки вокруг поля, невысокого сетчатого забора. Снизу на него смотрела Мэри Ланкастер; в правой руке сигарета, левая подрагивает на бедре.

Она медленно поднялась по ступенькам и села рядом с Декером. Утром Мэри выглядела бледной и нервной, сейчас – подавленной и растерянной. Просто удивительно, что жизнь может сделать с тобой всего за день.

Ланкастер выдохнула струю дыма, молча глядя на пустое поле.

– Дерьмовое время, – негромко заметил Декер.

Она кивнула, но не ответила.

– Какая ситуация? – спросил он.

– Хочешь сам сходить посмотреть?

Амос обернулся к ней, но не успел ответить, как она сказала:

– Слышала, что ты сделал с Леопольдом.

– Я ни разу не упомянул, что ты приезжала ко мне рассказать о нем.

– Будь я на твоём месте, я бы, наверное, просто застрелила его.

Декер знал, что у единственного ребенка Ланкастер, Сэнди, был синдром Дауна. Её муж, Эрл, работал в строительстве – иначе говоря, сейчас у него было не много работы. Они жили в основном на зарплату Мэри, не слишком большую, но хотя бы с приличной медицинской страховкой.

– Ты не думаешь, что это его работа, верно? – спросила она.

– Пока я слишком мало знаю.

– Сегодня ему предъявят официальное обвинение. Учитывая признание, мы можем задержать его. О залоге речь не пойдет, поскольку у него нет ни адреса, ни привязки к какому-то району, – следовательно, велик риск, что он скроется. Дело отправят в суд, как только он получит адвоката.

– ОЗ? – спросил Декер, подразумевая общественного защитника.

– Похоже на то. Так что, место преступления в Мэнсфилде? Хочешь посмотреть?

– Мэри, ты же сама знаешь, я не могу туда войти.

– Можешь, если Мак говорит, что все о'кей. В качестве официального консультанта полицейского управления Берлингтона. *Платного* консультанта. На этом ты не разбогатеешь, но хотя бы получишь больше, чем за свои частные подработки.

– Он действительно сказал, что все о'кей?

Ланкастер протянула ему телефон:

– Хочешь сам прочитать его письмо? Или позволишь мне?

Она развернула телефон экраном к себе и прочитала:

– «Возьми Декера в Мэнсфилд. Посмотри, что он увидит. Нам нужна помощь, и если Декер сидит на своей толстой заднице и страдает, или сходит с ума на почве Леопольда, или разыгрывает из себя частного сыщика для всяких подонков, это пустая трата его времени».

– Вижу, он следил за моей карьерой.

– Похоже.

Мэри встала, затянулась сигаретой почти до фильтра, потом выщелкнула окурочек. Декер следил, как он упал на дорожку, на секунду вспыхнул и погас.

Как все эти жертвы в школе, подумал Амос, поднялся и пошел за своей бывшей напарницей вниз по ступеням.

В школах не должно быть настолько тихо. Такой была первая мысль Декера, когда он шел по коридору за Ланкастер. Следом пришла другая: никогда еще ему не приходилось бывать в настолько ужасном месте.

Он шел мимо фотографий прежних директоров Мэнсфилда, включая того, кто возглавлял школу, когда в ней учился сам Декер. Заглядывал в классы, где когда-то сидел, иногда слушал, иногда записывал, а временами – спал, делая вид, что слушает и записывает.

Но прошлое разом ушло, когда на пересечении двух коридоров Декер увидел ногу. Обнаженную голень, следовательно, тело почти наверняка женское.

Они с Ланкастер повернули за угол, и его догадка подтвердилась. Она распростерлась на линолеуме, достаточно старом, чтобы помнить, как по нему ходил Декер.

Все уже сфотографировали и измерили, эксперты собирались закругляться, сказала ему Ланкастер. Девушка, казалось, позировала – одна рука вытянута, будто она машет другу, – когда кто-то жестоко отнял у нее оставшуюся жизнь.

– Дебби Уотсон, – сказала Ланкастер Декеру, глядящему на тело. – Выпускной класс. Только что исполнилось восемнадцать. Родителей известили.

Декер огляделся. Он работал на местах преступлений двадцать лет, сначала патрульным, потом детективом. Сейчас он должен быть в своей тарелке, должен привычно выискивать то, что выискивал прежде тысячи раз. Вот только он совсем не в своей тарелке. Он чувствует себя чужаком. Чувствует, будто из него выкачивают весь воздух школы.

Амос с трудом подавил это внутреннее смятение и произнес:

– Но они же ее не видели?

Мэри покачала головой.

– Ты знаешь правила. Место преступления. Никто не входит, в том числе родители. Да и вряд ли они захотели бы видеть ее... такой.

Декер натянул пластиковые бахилы и перчатки, выданные Ланкастер, и присел рядом с Дебби Уотсон. Голова закружилась. Он откашлялся и сосредоточился на теле.

Судя по всему, девушка получила в лицо полный заряд картечи. В результате оно исчезло. Декер взглянул на стену позади тела. Она была покрыта кусочками мозга и костей. Рядом с телом валялись учебники; блокнот был залит кровью. Декер посмотрел на лист бумаги, вероятно, выпавший из учебника. Если это ее рисунки, она была неплохим художником, подумалось ему.

– У вас уже есть последовательность выстрелов? – спросил он.

– Насколько мы можем судить, она была первой жертвой.

– Откуда вошел стрелок?

– Пойдем.

Ланкастер вела его недалеко, и Декер узнал тыльную сторону здания. Она указала на несколько дверей:

– В течение учебного дня они заперты. – Ткнула пальцем в сторону камеры, приделанной в углу под потолком. – Вот эта камера дала приличную картинку проникновения.

– Описание?

– У меня есть картинка на ноутбуке, посмотришь, мы развернули штаб в библиотеке.

Это был крупный парень в полном камуфляже. Лицо полностью закрыто маской и щитком.

- Ремень с подтяжками, – задумчиво произнес Декер. – Методично.
- Мы полагаем, – продолжила Ланкастер, – он вошел здесь, завернул за угол, столкнулся с Дебби Уотсон и застрелил ее.
- А разве в коридорах не было других людей?
- В такое время все были в классах.
- А Дебби?
- Она шла в кабинет медсестры. Расстройство желудка. Так сказал учитель, который разрешил ей уйти с занятия.

Декер еще раз огляделся.

- Все были в классах. Значит, либо стрелку здорово повезло, либо он знал распорядок дня школы.
- Я тоже об этом подумала.
- И когда он застрелил Дебби?
- Он пошел в спортзал, убил Джо Крамера, учителя физкультуры, потом развернулся, прошел мимо тела Дебби и направился в переднюю часть школы. К тому времени всех испугнули выстрелы, но классные комнаты оказались ловушкой. Он застрелил еще одного ученика прямо в классе. Потом пошел в соседний класс и открыл огонь. Еще один труп и один раненый, учитель.
- Энди Джексон? Английский? Я слышал в новостях.
- Да. Потом он пошел в коридор напротив и вошел в другой класс. Еще один труп. Следующий класс в том же коридоре, застрелен шестой человек. Потом он направился в кабинет администрации и там застрелил завуча. Затем застрелил еще одного ученика в другом классе. Итого восемь трупов. И Джексон в критическом состоянии, так что счет может вырасти до девяти.
- То есть шесть учеников и двое взрослых?
- Да. И один тяжелораненый.
- Ты сказала, на стрелке были камуфляж, маска и щиток?
- Верно.
- Что еще? Обувь?
- На видео он выше пояса. Никто из опрошенных не заметил его обуви. На нем были перчатки. Оружие – дробовик и пистолет. Баллистики пока собирают и сводят в таблицы данные. Много пуль до сих пор в жертвах. Когда он пользовался пистолетом, то стрелял в жертву несколько раз.
- Чтобы убить наверняка, – сказал Декер. – С дробовиком таких проблем не было.
- Да, верно.
- Значит, капюшон и щиток?

Ланкастер кивнула.

- Ему было важно замаскироваться. Возможно, он боялся, что его узнают. Ты сказала, он крупный парень? Насколько крупный?

Она достала блокнот.

- В кадр с ним попал плакат на стене. Мы померяли. Ищем парня ростом не меньше шести футов двух дюймов, с очень широкими плечами. Вроде твоих. Сильный. Определенно мужчина. Вес больше двухсот фунтов.
- Итак, он обходит всю школу, а у нас есть единственный кадр?

– Возможно, он знал, где расположены камеры, и избегал их, – ответила Ланкастер. – Не исключено, что он уже был здесь, осматривал местность перед этим побоищем.

– Но один раз он не увернулся от камеры, – возразил Декер.

– Как ты думаешь почему? Неувязка? Ошибка?

– Пока говорить рано, но, если это сделано намеренно, нам нужно выяснить зачем.

Ланкастер сделала какие-то пометки.

– Ты сказала, он заходил в классы?

Она кивнула.

– Но убивал только одного человека, а потом шел дальше?

– Всё так. За исключением раненого в одном из классов учителя.

– У жертв было что-то общее?

– Ты думаешь, он мог выцеливать конкретных людей?

– Пока не исключаю.

– Ему нужно было знать, в каких именно классах в это время они находятся.

– Возможно, он это как-то выяснил.

– Я проверю, – сказала Ланкастер. – Но сильно сомневаюсь, что при таком хаосе этот парень мог работать с учетным листом целей.

– Возможно, это был хаос для остальных. Но не для него. У него были «стволы».

– Амос, но все же... – с сомнением произнесла Мэри.

– А выход? – спросил он, не обращая внимания на последнюю реплику.

– Пока не выяснили.

Декер посмотрел на нее.

– К тому моменту, когда этот парень закончил стрельбу, сколько прошло времени?

– Грубая оценка временного диапазона, которую мы получили, – десять минут или чуть больше.

Декер выглянул в окно. Фасад школы далеко от дороги, выходит на свою территорию. На той стороне – жилые дома.

– Там никто ничего не слышал? Крики, выстрелы?

– Пока выясняем. Возможно, у него был глушитель.

– Не на дробовике. Но я веду к другому: как этот парень в камуфляже, капюшоне и штитке, с двумя пушками, одна из которых длинноствольная, вышел отсюда и никто его не заметил? И, если уж на то пошло, как он вошел сюда и его никто не увидел?

Воздуха опять стало не хватать. На лбу выступил пот. Декер оперся рукой в перчатке о стену. Если Ланкастер и заметила его слабость, то промолчала.

– Видео показывает, как он входит с задней стороны. Там нет ничего, кроме старой армейской базы. Он мог проскользнуть сюда незамеченным. Может, прятался в мусорном контейнере на задах здания, а потом выскочил оттуда...

Декер потер живот.

– Амос, ты в порядке?

– Паршивая диета. Вы проверили помойку?

– Мы проверили все и ничего не нашли. Мы даже проверили забор вокруг базы. Никаких следов. Там такие заросли, что было бы заметно, если б кто-то там лазил.

– Итак, он стрелял, двигаясь от задней части здания к фасаду. Предположим, оттуда он и ушел. Почему его никто не видел? По ту сторону улицы жилые дома. По дороге все время ездят машины.

– Ну, дома строго напротив пустуют – невыплаченная ипотека. И это рабочий район. В такое время утра немногие сидят дома. И вряд ли кто-то услышит звуки, школа достаточно далеко.

– Но на улице все равно было движение. Дети и учителя должны были кричать в окна. С мобильных набирали «девять-один-один». Проезжали патрульные машины. Я был рядом со Вторым участком, когда там началась суматоха. Сколько оттуда на машине до школы? Минут пятнадцать?

– Примерно так, да.

– И даже если снаружи никто не видел, как он уходит, кто-то должен был смотреть из окон школы. Дети, снимающие видео на телефон. Насколько я помню, любой выход из этого здания просматривается из окон одного из классов.

– А ты откуда знаешь? Часто сбегал с уроков?

– Постоянно.

– Ладно, тут ты меня сделал. Я ходила в школу в соседнем округе. Это твой газон, не мой.

– И по-прежнему остается вопрос с его входом. Как он вошел сюда незамеченным? Даже если зашел сзади? Там тоже есть окна.

– Да, но второй и третий этажи не используются.

– На первом этаже есть окна, выходящие на зады школы.

Ланкастер только потрясла головой.

– Школу обыскали?

– Обыск идет прямо сейчас.

– А учителя, администрация, ученики?

– Эвакуированы в безопасное место.

– В безопасное? – переспросил Декер, не обращая внимания на боль в животе и голове.

– Амос, мы не были уверены, что стрелок ушел. В подобных ситуациях следует в первую очередь убрать людей в безопасное место и обеспечить охрану территории.

– Ладно, замечу очевидное – если никто не видел, как он уходит, то откуда вы знаете, что не эвакуировали в безопасное место *стрелка*?

– Никому не позволили покинуть территорию, пока мы не получили описание стрелка. Женщины очевидно вне подозрений. Все свидетели указали, что это был мужчина. И во всем здании не оказалось ни одного парня, подходящего под это описание.

– Даже ученики? В наше время вырастают крупные детки.

– У всех учеников-парней подходящих габаритов есть алиби. Все они были в своих классах вместе с еще тридцатью ребятами. Никто из них не мог быть стрелком. Есть четверо учеников, которые по разным причинам выходили из класса. Все они ниже пяти футов девяти дюймов и легче полутора сотен фунтов. Все свидетели заявили, что стрелок, помимо своего роста, тянул на двести фунтов с лишним. И был накачанным, как спортсмен.

– А что с парнями, которые в этот день отсутствовали в школе?

– Еще проверяем. Возможно, что-то даст. Но я нутром чую: это был чужак.

– А учителя-мужчины подходящих размеров?

– Учитель физкультуры. Но он мертв. Еще завуч. Тоже мертв. Все остальные ниже шести футов и легче ста семидесяти. И ни одного из них не назовешь плечистым. Единственный живой учитель, примерно подходящий по весу, это химик, но у него рост пять и семь и недалек сердечный приступ.

– Так как же он попал сюда? Приехал?

Ланкастер покачала головой.

– Не думаю. В нужный нам промежуток времени никто не видел подъезжающих или отъезжающих машин.

– Судя по твоим словам, Мэри, в нужный период времени никто *вообще* ничего не видел.

– Сомнительно, сама знаю, – согласилась она. – Слушай, если этот парень все еще прячется в здании, мы его возьмем. Вся территория окружена копами. Отсюда никто не выйдет.

– Ты сказала, обыск продолжается?

– С того момента, как всех отсюда вывели, мы прочесываем школу дюйм за дюймом. Амос, никто не сможет выбраться незамеченным.

– Тогда ты зашла напрямиком в тупик.

Ланкастер наклонила голову, немного пожевала резинку.

– Еще раз?

– Если здание опустело и никто не видел, как этот парень уходит, значит, стрелок – один из тех, кто был в школе. Учитель, ученик или человек из административного персонала. Вы учили тех, у кого были проблемы с законом?

Мэри кивнула.

– Все слишком старые, и все со здоровым пузом. Но я понимаю, о чем ты.

– Могу я взглянуть на видеозапись с этим парнем?

Ланкастер повела его в библиотеку. Едва они миновали сдвоенные деревянные двери, Декер понял, что библиотека превратилась в противоположность тихому святилищу. ФБР заняло целый угол, полиция штата получила свое место, а Ланкастер и ее команде остался кусочек в самом дальнем конце помещения.

Ланкастер направилась туда, где развернули рабочее место ее коллеги, но Декер застыл в дверях библиотеки. Не так уж долго он пробыл вдали от этого мира, но сейчас это время показалось ему вечностью. Ему не нравились толпы. Ему не хотелось заходить внутрь и включаться в большую группу следователей, пусть даже у них была сейчас одна цель. Какая-то часть его хотела прокрасться обратно в «Резиденс Инн», закрыть дверь, зажмуриться и завернуться в свою палитру цветов. Да и какой от него толк? Он не смог найти убийцу своей семьи. Как ему искать этого убийцу? Он покосился на дверь. Еще можно сбежать...

– Амос!

Декер молча смотрел на капитана Миллера, который направился к нему. Этим вечером Мак был одет по всей форме. Он протянул руку, и Декер неохотно пожал ее.

– Спасибо, что помогаешь, Амос, – сказал Миллер. – Нам это пригодится.

Декер оглядел толпу народа в библиотеке.

– Похоже, у вас и так есть вся требуемая помощь.

Он попытался забрать руку, но Миллер крепко сжимал его ладонь, пристально глядя на бывшего детектива.

– Видимость бывает обманчивой. И мне нужно было твое участие. Ты видишь вещи. Я хочу сказать, Амос, ты их действительно *видишь*. Нам нужно взять этого парня. Нам нужно сделать все правильно. И передать дело в суд.

Миллер продолжал смотреть в лицо Декеру, пока тот наконец не встретился с ним взглядом.

– Амос, нам нужно раскрыть это дело. Ты это понимаешь. Я знаю.

– Да, – ответил Декер. – Я понимаю. Хотя бы потому, что я так и не смог этого сделать.

Миллер выпустил его руку.

– Не пора ли тебе присоединиться к своему «партнеру»? Рад видеть, что вы снова вместе.

Промолчав, Декер повернулся и пошел туда, где его дожидалась Ланкастер.

Возможность сбежать исчезла. Сейчас ему казалось, что Миллер прекрасно знал, о чем думает Амос, стоя в дверях библиотеки. И капитан был решительно настроен отрезать ему все пути к отступлению.

Декер пристроил свою тушу рядом с Ланкастер за столом посреди штаба местных копов. Всю длину стола занимали ноутбуки. На полу валялись грозди удлинителей, провода из которых шли к компьютерам, сканерам и принтерам. Повсюду ходили люди с папками, документами, планшетами, и всех их, на взгляд Декера, окружала аура тихого отчаяния. Он знал, что дети многих копов учатся в этой школе. Хотя вряд ли им требовались дополнительные стимулы, чтобы взять стрелка.

Когда Миллер обратился к Декеру по имени, несколько детективов и пара копов опознали Декера и встретили его кивками или угрюмыми взглядами, но никто не заговорил с ним. Он ушел из полиции не лучшим образом, хотя вряд ли кто-то всерьез винил его.

Однако сейчас он здесь – значит, можно приниматься за работу.

Амос посмотрел на Ланкастер.

– Видео?

Мэри нажала несколько клавиш, и через пару секунд Декер уже разглядывал зернистые кадры.

– Вот этот сукин сын, – сказала Ланкастер.

Декер взглянул на таймер.

– Восемь сорок одна. Когда начинаются занятия?

– Ровно в восемь тридцать. В этот момент все должны быть в своих классах.

– Ты сказала, он вошел через задние двери? И эта съемка оттуда, так?

– Да.

– Разве эти двери не заперты?

– Должны быть заперты. Но их не трудно отжать.

– Вы обнаружили признаки взлома?

– Амос, эти двери не меняли с семидесятых годов. Сплошные вмятины. Невозможно сказать, взламывали их или нет.

Мэри нажала еще несколько клавиш и увеличила изображение.

– Мы определили, где это. Здесь коридор отходит...

Она запнулась.

– Извини, неудачно выразилась. Коридор, который идет от установленного нами места проникновения. Здесь убийца повернет, а вон там столкнется с Дебби Уотсон, примерно через минуту.

– То есть первый выстрел в восемь сорок две или около того, кладя минуту между таймером видео и встречей с Уотсон?

– Примерно так. Люди запомнили выстрел из ружья. На самом деле, услышав его, куча народа посмотрела на часы. Поэтому восемь сорок два – годное время для первого выстрела.

– Ладно.

Декер задумался, о чем стоит спросить дальше. Вопросы должны всплывать на автомате, но не всплывают. Он определенно заржавел. Амос оглянулся на следователей, которые вкалывали изо всех сил. Он привык быть одним из них. Но факты есть факты, он вылетел из профессиональной жизни в ту минуту, когда нашел свою семью мертвой. И сейчас, приходится признать, он может оказаться скорее помехой, чем помощью.

Декер обернулся к Ланкастер, которая сочувственно смотрела на него.

– Амос, это как езда на велосипеде, – сказала она, явно распознав его неуверенность.

– Может, и нет, Мэри. Думаю, я справлюсь. Но если я не потяну собственный вес, мне тут делать нечего.

Она перевела взгляд на экран.

– Ладно, у камеры нет микрофона, так что ты ничего не услышишь. А в следующем коридоре камеры нет.

– Почему?

– А как ты думаешь? В бюджете нет денег. Нам повезло, что хотя бы одна камера работала нормально.

Декер на мгновение задумался.

– Но их оставили в качестве сдерживающего средства?

– Именно. Потому что люди не знают, какие из них работают.

– Однако наш парень ухитрился миновать все, кроме одной...

– По правде говоря, не так уж важно, ухитрился он или нет. Амос, он полностью закрыт. Его вообще невозможно опознать.

Декер медленно кивнул, вновь ощутив, насколько медленно и пассивно он думает.

Еще раз посмотрел на экран. Капюшон и щиток. На видео щиток был ярким пятном отраженного света. Декер наклонился к экрану, как гончая, вынюхивающая след.

– Даже капюшон толком не разглядеть. Он знал, где камера, и держался так, чтобы не попасть в кадр, несмотря на свою маскировку.

– Думаешь, это важно? – спросила Ланкастер.

– На этом этапе расследования важно все.

Она кивнула.

– Кажется, это второе правило, которому ты меня научил.

– А первое – подозревать каждого, – рассеянно добавил Декер, не отрывая взгляда от экрана.

Мэри промолчала, и он посмотрел на нее.

– Амос, это как езда на велосипеде. Ты был лучшим из всех, кого я видела. Я думаю, ты и сейчас лучший.

Он отвернулся. Похвала не помогла: его измененное сознание больше не откликалось на такие слова.

– Можешь показать запись до момента, когда он поворачивает за угол?

Ланкастер запустила запись, а потом, по просьбе Декера, повторила ее еще три раза. Наконец Амос отодвинулся, полностью погружившись в свои мысли, хотя все еще смотрел на экран.

Мэри поглядела на него.

– Тебя что-то зацепило?

– Меня много чего зацепило. Но больше всего меня беспокоит, как парень в такой одежде и с оружием мог раствориться в воздухе.

- Я не верю в привидения и магию.
- Я тоже, Мэри. Но одно я знаю точно.
- И что же?
- Этот парень не собирался уходить.

Ланкастер смотрела на Декера, и с каждой секундой выражение ее лица становилось тревожнее.

- Ты уверен, что говоришь не про Леопольда?

Декер пожал плечами, глядя в пустоту за тысячу миль отсюда.

- В каком-то смысле, все они гребаные Леопольды.

Ланкастер, с благословения капитана Миллера, организовала Декеру временное удостоверение и пропуск. Амос много раз работал на месте преступления и знал, куда нельзя наступать и как не потревожить и не испортить потенциальные вещдоки. Он просмотрел отчеты, еще раз изучил видеозапись, перебрался словом с теми ребятами из полиции, которых знал, кивнул тем, которых не знал. Хотя он по-прежнему не чувствовал себя в своей тарелке, кое-что возвращалось. Его главной силой всегда была наблюдательность. Декер смотрел по сторонам и видел вещи, но не так, как большинство людей. Он строил обвинения на мельчайших деталях, которых не замечали многие – и, что немаловажно, те, кто совершал преступления.

И здесь Амос тоже заметил многое, но далеко не все из этого имело отношение к стрельбе.

Прежде всего он обратил внимание, что фэбээровцы, как всегда, выпендриваются. Важничают и потрясают всех своими возможностями. Но, опять же, он знал, что полиция не станет возражать против их помощи. У них одна цель. Взять парня, который это сделал.

Декер погрузился в рутину, привычную по сотням других расследований. Он ходил, наблюдал, задавал вопросы и читал отчеты. В процессе несколько раз обошел школу по периметру. Осмотрел здание со всех доступных точек. Затем вернулся в школу и выглянул из каждого окна. Сейчас была самая темень перед рассветом. Он провел здесь уже немало часов, но они казались десятью минутами, потому что Декер до сих пор ничего не придумал. Что ж, это нормально. Посреди криминального расследования редко случаются прозрения и чудеса. Если вам хочется чего-нибудь эдакого, включите телевизор. В настоящем мире результаты появляются после медленной и упорной работы, сбора фактов, а потом построения на их основе заключений и гипотез. Ну, и немного удачи тоже не помешает.

За несколько минут до рассвета начал подъезжать транспорт, предназначенный для перевозки тел в морг. Позади школы была разгрузочная площадка. Полиция отгородила ее парусиной, натянутой на стальные шесты. Машины по очереди подъезжали к проему в этой стене. За брезентом, знал Декер, выносят тела, уложенные в прочные черные мешки. У тел были имена, а теперь еще и номера. Они уже не человеческие существа. Теперь они – части криминального расследования. Дебби Уотсон, первая жертва, превратилась в Ж-1. Ее тело стало отправной точкой в нумерации погибших. Джо Крамер, учитель физкультуры, обозначен Ж-2. И так далее, вплоть до конца списка мертвых.

Декер прислонился к стене школы неподалеку от разгрузочной площадки и смотрел на синюю парусину. А потом закрыл глаза, потому что синий был цветом убийства его семьи. Декеру не требовалось видеть цвет. Этого цвета было достаточно прямо у него в голове.

«Амос, вернись к основам. Медленно и спокойно. Ты знаешь, как действовать. Ты много лет занимался этим. Мэри права. Ты сможешь».

Мотив.

Начинать всегда нужно с него, ведь это просто другой способ сказать: «Зачем ты это сделал?» Жадность, ревность, возбуждение, личная месть, мнимые обиды, безумие? Последнее разгадать труднее всего – как ты прочтешь мысли сумасшедшего?

Но у этого парня был метод. Он кое-что знал о школе. Он здорово беспокоился, чтобы никто не увидел и клочка его шкуры. До сих пор неизвестно, белый он или черный. Правда,

большинство массовых убийц были белыми. И мужчинами. При таких габаритах этот стрелок определенно мужчина.

А вот щиток – необычный шаг. Это не защита. Пулю он не остановит. Это прикрытие.

Декер следил, как отъезжает последняя машина, с мигалками, но без sireны. Мертвым торопиться некуда. Каждое тело будет вскрыто судмедэкспертом в поисках улики. Но надеяться тут можно только на баллистическую экспертизу. Какие пули их убили? Декер сомневался, что стрелок трогал кого-то из жертв. Если никого не касаешься, ты не оставляешь следов. Если же у них будут пули, то однажды их можно будет сравнить с оружием. И если у оружия был владелец, можно попытаться проследить всю цепочку вплоть до нынешних ужасных событий.

Декер вернулся в библиотеку. Ланкастер сидела и просматривала заметки по делу. При его приближении женщина подняла взгляд.

– Удивительно, что ты до сих пор здесь, – сказала она, подавив зевок.

– У меня нет других дел, – отозвался Декер, присев рядом с ней.

– Побродил, как обычно? – спросила она.

Он кивнул.

– Но я вообще ничего не увидел.

– Амос, ты увидишь. Тебе нужно время.

– Эрл с Сэнди?

– Он привык, – мотнула головой Ланкастер. – В последнее время было много долгих ночей. – Она оглядела комнату. – Но ничего подобного.

Декер медленно кивнул. Его компонент, ответственный за болтовню, уже выдохся.

– Ты еще не закончила со свидетельскими показаниями?

– Ввожу в компьютер. Там мало что есть. Но я еще не говорила с раненым учителем.

Есть шансы, что он и не сможет. А если он умрет, у нас будет уже девять жертв.

– Энди Джексон... Как он получил пули?

– Ученики из класса сказали, он пытался остановить стрелка.

– Как? – уточнил Декер.

– Бросился на него. Прикрыл собой учеников.

– До или после того, как стрелок убил ученика?

– После.

Декер откинулся назад и задумался. Ланкастер наблюдала за ним.

– Очень храбрый поступок, – заметила она.

Декер не отреагировал на это заявление.

– Мне нужно посмотреть свидетельские показания.

Сейчас он говорил отрывисто и уверенно.

Услышав эти нотки, Ланкастер чуть заметно улыбнулась и достала показания.

Амос просмотрел каждую страницу. Закончив, он вернулся ко второй странице, потом перелистнул на десятую и отложил блокнот.

– Нашел что-нибудь? – поинтересовалась Ланкастер, которая поглядывала на него, занимаясь своими делами.

Он встал.

– Я вернусь.

– Декер!

Но для такого крупного мужчины, да еще с лишним весом, он двигался удивительно

быстро. Может, в нем еще осталось немного от раскованного футболиста. Он закрыл за собой дверь библиотеки и пошел по коридору.

Ланкастер не пошла за ним. Десять лет она была его напарником и привыкла к таким шуткам. У него родилась какая-то идея, и всё – он помчался, не сказав никому, даже ей, ни слова. Она вернулась к своей работе.

* * *

Декер прошел десять шагов, потом остановился и выглянул в окно, выходящее на переднюю парковку. Он видел, что начинается дождь. А перед школой плавают в воздухе множество горящих свечей. Конечно, это были не свечи. Под дождем они сразу потухли бы. Это были огоньки сотовых телефонов. Люди, собравшиеся в память погибших. Казалось, перед школой стоит все население Берлингтона – и, возможно, так оно и было. Наверное, после этой трагедии так и должно быть.

В ночь после убийства люди так же стояли перед его домом. Они держали настоящие свечи. Плюс куча цветов, табличек, мягких игрушек. Все это задумывалось как знак поддержки, любви, сочувствия и заботы. Все это было хорошо. Но от одного взгляда на эту кучу Декера начало мутить. Он терял опору, и сквозь горе проступала безумная ярость.

Амос отвернулся от окна и пошел дальше; дождь уже усилился и колотил по крыше школы.

Декер представил, как гаснут огоньки телефонов, когда люди торопливо прячут их от дождя. А может, не прячут. Пусть телефоны тоже умрут, в знак солидарности с теми, кто погиб здесь.

Он прошел мимо знакомого детектива. Тот разговаривал с женщиной в костюме, которого Декер уже видел в библиотеке, человеком из ФБР. Детектив кивнул Декеру.

– Слышал, что ты консультируешь по этому делу, Амос. Рад тебя видеть.

Декер нерешительно кивнул в ответ и посмотрел на агента ФБР. Мужчина бегло оглядел Амоса и, судя по выражению его лица, выставил низкую оценку.

– Ага, – только и смог хрипло выдавить Декер и заторопился дальше.

Он задвинул подальше нескладную встречу, его разум легко проделывал подобные трюки. Декер мог с поразительной четкостью разложить все по полочкам. Следствие того, что ему на все было насрать.

Он заметил некую бессмыслицу. Потому и выскочил из библиотеки.

Страница два свидетельских показаний.

Мелисса Далтон, семнадцать лет, выпускной класс, прятала книги в свой шкафчик. Время было раннее, 7:28, за час с лишним до начала занятий. Она пришла на сдачу теста, который пропустила из-за болезни. Далтон знала точное время, поскольку взглянула на часы над шкафчиком, боясь опоздать. За все время учебы в средней школе у нее была идеальная посещаемость, не омраченная даже опозданиями. Для нее это было важно – родители заявили, что четыре года такого совершенства заслуживают подержанной машины, которую девушка получит сразу после выпуска.

Итак, 7:28.

В этот момент Мелисса Далтон что-то услышала. И сказала об этом Ланкастер, когда Мэри допрашивала ее.

Она услышала некий звук за час и две минуты до первого звонка на уроки. Примерно через двенадцать минут после этого звонка, в 8:42, стрелок завернул за угол, поднял дробовик, и Дебби Уотсон лишилась лица и жизни. И все потому, что у нее было расстройство желудка.

Но как Мелисса Далтон могла это услышать?

«Маленькие наблюдения могут привести к большим прорывам».

Декер пошел дальше.

Декер остановился и осмотрелся. Спортзал расположен в дальнем левом конце последнего коридора на первом этаже. Дальше классные комнаты, потом задние двери. С другой стороны центрального коридора еще классы, кладовка и задняя разгрузочная площадка. Центральный коридор идет от фасада, деля здание ровно пополам. С каждой стороны, как ветви дерева, от него отходят еще три коридора.

Поскольку только у среднего коридора были выходы с двух сторон, в здании насчитывалось четыре комплекта дверей, соответствующих сторонам света.

Декер направился к заднему выходу и осмотрел видеокамеру. Затем стал прохаживаться вдоль дверей, останавливаясь в разных местах и всякий раз проверяя камеру.

«Интересно».

Он развернулся и пошел по главному коридору к переднему входу. Потом свернул налево, по коридору, слева от которого располагалась столовая, а справа – библиотека.

Здесь находился шкафчик Мелиссы Далтон, строго напротив столовой. Декер посмотрел на шкафчик. За ним была библиотека, где вкальвала Ланкастер. На противоположной стороне, рядом с парой классов, располагалась большая столовая.

По своим школьным временам Декер помнил, что в конце столовой есть кладовая и кухня с внешней дверью. Дверь выходила на маленькую бетонную площадку, куда выгружали доставленные продукты. Значит, на самом деле дверей шесть. Четыре основные, из коридоров, одна сзади, выходящая на разгрузочную площадку, и одна здесь, в кафетерии.

В 7:28 Мелисса Далтон услышала, как дверь открылась и закрылась. Не дверь классной комнаты, поскольку она чпокнула, так сказала Мелисса. Как при закатке под вакуумом.

«Как при закатке под вакуумом». Собственные слова Далтон. Ланкастер записала: «Далтон сказала, ей нравится наука, и класс совсем недавно изучал вакуум, поэтому неудивительно, что этот термин сразу всплыл в ее памяти». Рядом Мэри поставила несколько вопросительных знаков и большую звездочку. Несомненно, она собиралась попозже проверить это. Декер не мог винить ее за такие пометки. Эти показания казались бессмыслицей.

Итак, это вторая страница показаний.

На десятой странице скрывался небольшой самородок. Вторая часть информации, заставившей Декера прийти сюда.

Работники столовой приходили ровно в 8:45. Ни раньше, ни позже. Несколько источников подтвердило, что и вчера все было именно так. В столовой работали только женщины. Никто из них не мог обернуться плечистым мужчиной ростом в шесть футов два дюйма и весом за двести фунтов. И поскольку стрельба началась в 8:42, ни одной сотрудницы столовой в школе еще не было. Четверо вылезали из своих машин на парковке, а пятая сворачивала туда, когда в школе разверзся ад.

Декер вошел в столовую и осмотрелся. Рука инстинктивно потянулась к рукоятке пистолета, заткнутого за пояс и прикрытого пиджаком. Он сдвинул большим пальцем предохранитель. Патрон уже находился в стволе. В столовой было темно. Декер нащупал плечом выключатели и включил свет.

Он пересек зал, проходя мимо столов, на которые были аккуратно уложены стулья. В дальнем конце стояли буфетные прилавки, сплошное стекло и нержавеющей стали. Емкости были

пусты. Все вымыто, посуда тщательно сложена, столовая готова к работе. Не хватает только голодных учеников и персонала, готового их обслужить.

Взгляд Декера все время рыскал по полу. Но никаких следов видно не было. Он миновал проем в задней части столовой. Тут стояли передвижные стойки, на которых еду доставляли с кухни к прилавкам. Стойки были придвинуты к стенам. Здесь же стояли швабры, ведра и прочий инвентарь.

Но Декера это не интересовало.

Интересным было другое – встроенный морозильник, расположенный в дальнем конце кладовой.

Чпокающий звук. Вакуум. Дверь морозилки закрывается.

Или *открывается*.

Декер достал пистолет. По правде говоря, он не думал, что встретит в морозильной камере стрелка в полном снаряжении. Полиция уже обыскала школу и, разумеется, открывала морозильник. Но Декер повидал в своей жизни достаточно дерьма и не сбрасывал со счетов любую возможность. Если сейчас принять что-нибудь на веру, он тоже может уехать из школы на тихой машине в мешке для трупов.

Он направил пистолет на дверь, шагнул вбок, обхватил ручку рукавом пальто, дернул вверх, а потом сильно потянул.

Дверь легко открылась.

С чпоканьем, отметил он, когда нарушилось герметичное уплотнение. Амос представил, как ранним утром этот звук разносится эхом в пустом и тихом помещении. И его слышит Мелисса Далтон. Ну что ж, кажется, этот маленький эксперимент подтверждает слова девушки.

Декер попятился и присел за разделочным столом. Он сдвигался вдоль края стола, пока не смог разглядеть всю камеру. Пусто, только продукты. Но была ли она пуста в 7:28 вчерашнего утра?

Декер зашел в морозильник и огляделся. Он обратил внимание, что дверь оборудована системой безопасности, позволяющей открыть ее изнутри. Благодаря ей случайно запертый человек не мог оказаться в ловушке и замерзнуть насмерть.

А потом он заметил. Точнее, *почувствовал*.

В морозильниках должно быть холодно, точнее, около нуля. А в этом было довольно тепло. Возможно, не холоднее, чем снаружи.

Он проверил термометр. Не удивительно. Восемь градусов.

Декер открыл пару контейнеров и увидел именно то, что ожидал. Мясо и другие скоропортящиеся продукты разморозились и начинали пованивать. Их придется выбросить.

Значит, этот парень поднял температуру в морозильнике и воспользовался им как укрытием. А Мелисса Далтон услышала именно то, о чем подумала. Чпокающий звук, когда стрелок выбрался оттуда в 7:28. Но зачем прятаться в морозильной камере? И как он изначально попал в школу? Скорее всего, морозильником пользовались в течение всего дня, так что ему нужно было прийти позже. Должно быть, он проник сюда ночью. В противном случае кухонный персонал заметил бы его, едва принявшись за работу.

Следующий вопрос: что дало ему укрытие в морозильной камере?

И мать всех вопросов: как он прошел от столовой в передней части здания через всю школу до черного входа, откуда начал стрельбу, и никто его не увидел? Телепортировался с космического корабля?

Круг потенциальных подозреваемых трансформировался, и на Декера накатывали волны новых вопросов.

Посетители? Родители? Сторонний обслуживающий персонал? Ланкастер не упоминала никого подобного. Амос предполагал, что все, кто находился в это время в школе, были задержаны для допроса. Это основное правило криминального расследования: никого не выпускать. Но между стрельбой и моментом, когда полиция запечатала все входы и выходы, был зазор. И в это время стрелок мог уйти. Однако как он смог уйти незамеченным?

Декер вышел из морозильной камеры и закрыл за собой дверь. Прошел несколько шагов и посмотрел вверх. В морозильнике не было тайника. А вот здесь... возможно.

Амос взял один из стульев и поставил его посередине помещения. Потом влез на стул. Благодаря своему росту он тут же ударился головой в потолочную плитку. Подвесной потолок, который многие называли плавающим, поскольку легкие плитки, лежащие на металлических направляющих примерно в двух футах от настоящего потолка, легко сдвигались. Модернизация здания, сделанная много позже времени его постройки. В 40-х годах подвесные потолки не ставили.

Декер поднял плитку и просунул голову в проем. Пользуясь телефоном как фонариком, он осветил темное пространство. Внутри было много всякого барахла, включая провода, трубы противопожарной системы и вентиляционные трубопроводы. Парень таких размеров никак не мог туда влезть. И даже если б он влез, легкие направляющие не справились бы с его весом. Декер трижды переставлял стул, пока не нашел кое-что интересное. Не сверху, а на полу. Характерные следы пыли с потолочных плиток. Он взглянул на те места, которые уже проверил. Сейчас под каждым из них была пыль, поскольку Амос поднимал шероховатые плитки и елозил ими о направляющие. Но здесь плитки он еще не трогал.

Декер сделал несколько фотографий с разных углов. Потом установил стул и снова влез на него. Прикрыв пальцы рукавом пиджака, чтобы не смазать отпечатки и не добавить лишних, осторожно поднял плитку. Засунул голову внутрь и огляделся. Пусто. Ни проводов, ни труб, ни воздуховодов. Зато здесь было место, где можно что-нибудь спрятать. Например, камуфляж, а может, и оружие.

Декер осматривал пространство дюйм за дюймом – и наконец напал на золотую жилу.

За металлическую направляющую зацепилась нитка. Декер осветил на нее. Похоже, бежевая. Пыль рядом с другой направляющей была смазана. И еще пятно – вероятно, след смазки от засунутого туда дробовика.

Ничего не тронув, Декер спустился вниз и отправил Ланкастер эсэмэску. Теперь сюда должна прибыть команда экспертов, которые разберут все на части. Пока Амос ждал их, он подошел к наружной двери, выходящей на маленькую разгрузочную площадку.

– Вот дерьмо...

Дверь казалась запертой, но когда Декер навалился на нее, она распахнулась, что и вызвало его ругательство. Он вышел на площадку. Ее окружал шестифутовый деревянный забор. С высоты своего роста Амос мог заглянуть поверх него. Здесь стояло несколько мусорных бачков и небольшой контейнер. В одном углу были сложены деревянные ящики. Декер толкнул калитку и выглянул наружу.

Два парковочных места, сейчас оба пустуют. Дальше короткая полоска потрескавшегося асфальта и сетчатый забор, выходящий к длинному ряду десятифутовых кустов и прочей зелени, растущей прямо у забора. Декер быстро подошел к забору и раздвинул заросли прямо напротив выхода из кухни. Сетка посередине была разорвана. Он осветил мобильником.

Ржавая. Разрыв старый. Амос пробрался сквозь заросли и вылез с другой стороны. Отсюда начиналась тропинка, которая вела прямо к лесу, издавна растущему у школы.

«Легко войти, легко уйти».

Глава 15

Ланкастер дожевывала свою резинку, пока эксперты прочесывали столовую и кухню. Снаружи группа полицейских и агентов ФБР изучала тропинку, которую показал им Декер.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Имеется в виду Суперкубок по американскому футболу – финальный матч сезона, в котором выявляется абсолютный чемпион обеих профессиональных лиг. Игроки команды-победительницы, в частности, награждаются массивными кольцами с драгоценными камнями.

Мет – *сокр.* от метамфетамин.

Билли Джоэл (полн. имя Уильям Мартин Джоэл, р. 1949) – американский автор-исполнитель песен и пианист, один из шести наиболее продаваемых артистов в США за всю историю страны.

Линия Мейсона – Диксона – граница, проведенная в 1763–1767 гг. английскими землемерами и астрономами Ч. Мейсоном и Дж. Диксоном для разрешения территориального спора между британскими колониями в Америке. До гражданской войны служила символической границей между свободными штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга.

Папаша Варбакс (Daddy Warbucks) – миллиардер, промышленник и филантроп, персонаж комикса и мюзикла «Сиротка Энни».

Старски и Хатч – персонажи комедийного боевика «Старски и Хатч», киноадаптации одноименного телесериала 1970-х гг.

Крупная сеть магазинов, в оригинале называются 7-Eleven.

1,82 м и 77,1 кг.

НФЛ – Национальная футбольная лига.

Пинбол – игровой автомат, т. н. электрический бильярд.

Квотербек и лайнбекер – термины, обозначающие определенные позиции игроков в американском футболе. Квотербек – лидер команды нападения, лайнбекер – защитник-универсал команды защиты.